

ЛУИ-АДОЛЬФ ТЬЕР

ИСТОРИЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Луи-Адольф Тьер

**История Французской
революции. Том 2**

«Издательство Захаров»

1873

УДК 82-94
ББК 84(3)Фр

Тьер Л.

История Французской революции. Том 2 / Л. Тьер —
«Издательство Захаров», 1873

ISBN 978-5-8159-1338-7

Луи-Адольф Тьер (1797–1877) – политик, премьер-министр во время Июльской монархии, первый президент Третьей республики, историк, писатель – полвека связывают историю Франции с этим именем. Автор фундаментальных исследований «История Французской революции» и «История Консульства и Империи». Эти исследования являются уникальными источниками, так как написаны «по горячим следам» и основаны на оригинальных архивных материалах, к которым Тьер имел доступ в силу своих высоких государственных должностей. Оба труда представляют собой очень подробную историю Французской революции и эпохи Наполеона 1 и по сей день цитируются и русскими и европейскими историками. В 2012 году в издательстве «Захаров» вышло «Консульство». В 2014 году – впервые в России – пять томов «Империи». Сейчас мы предлагаем читателям «Историю Французской революции», издававшуюся в России до этого только один раз, книгопродавцем-типографом Маврикием Осиповичем Вульфом, с 1873 по 1877 год. Текст печатается без сокращений, в новой редакции перевода.

УДК 82-94
ББК 84(3)Фр

ISBN 978-5-8159-1338-7

© Тьер Л., 1873

© Издательство Захаров, 1873

Содержание

Национальный Конвент	6
Глава XXIV	6
Глава XXV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тьер Луи-Адольф

История Французской революции. Том 2

Национальный Конвент

Глава XXIV

Проекты якобинцев после 31 мая – Настроения департаментов – Военные события на Рейне и на Севере – Конституция 1793 года – Марат убит Шарлоттой Корде

Изданный 2 июня декрет против двадцати двух депутатов правой стороны и членов бывшей Комиссии двенадцати гласил, что они помещаются под домашний арест и охрану жандармов. Некоторые добровольно покорились, чтобы этим заявить свое повиновение закону и в надежде вызвать суд, который доказал бы их невиновность. Жансонне и Валазе легко могли скрыться, но отказались искать спасения в бегстве. Они остались под арестом вместе со своими товарищами Гюаде, Петионом, Верньо, Бирото, Гардьеном, Буало, Бертраном, Мольво и Гомэром. Некоторые другие, не считая себя обязанными повиноваться закону, вырванному силой, и не надеясь на правосудие, удалились из столицы или скрылись в ней до первой возможности уехать. План их состоял в том, чтобы отправиться в департаменты и там возбудить восстание против столицы. Это решение приняли Бриссо, Горса, Салль, Луве, Шамбон, Бюзо, Лидон, Рабо Сент-Этьен, Ласурс, Гранжнев, Лесаж, Виже, Ларивьер и Бергуэн. Оба министра, Лебрэн и Клавьер, отставленные немедленно после 2 июня, должны были тоже попасть под арест по приказу коммуны. Лебрэну удалось бежать. Та же мера была принята и против Ролана, который, выйдя в отставку 21 января, тщетно просил, чтобы у него приняли отчеты. Он успел укрыться, а затем бежать в Руан. Жена его, тоже преследуемая, хлопотала только о спасении мужа, а затем, отдав дочь на руки одного надежного друга, с благородным равнодушием к собственной судьбе сама сдалась комитету своей секции и была заключена в тюрьму вместе со многими другими жертвами 31 мая.

Велика была радость якобинцев. Они поздравляли друг друга с тем, как много оказалось у народа энергии, с его прекрасным поведением в последние дни, с низвержением всех преград, которыми жирондисты не переставали задерживать ход революции. В то же время они сговорились, как всегда после крупного события, в каком свете представить последнее восстание. Народ, сказал Робеспьер, своим поведением сразил всех своих клеветников. Восемьдесят тысяч человек целую неделю были на ногах, и ничья собственность не была тронута, ни одна

капля крови не пролилась; сама Гора, ошеломленная, бессильная при виде этого движения, тем самым доказала, что не способствовала ему ничем. Итак, это восстание действительно оказалось чисто нравственным и чисто народным.

Этой же речью косвенно порицалось поведение Горы, выказавшей некоторое колебание 2 июня; отстранялся упрек в заговоре, взводимый на активистов левой стороны; и высказывалась лесть народной партии, сделавшей всё будто бы самостоятельно и так превосходно. Придумав толкование, которое было с жадностью принято и тотчас подхвачено всеми сторонниками победоносной партии, якобинцы поспешили спросить у Марата отчета в одном слове, наделавшем много шума. Дело в том, что Марат, для которого всегда существовало одно только средство покончить с революционными колебаниями – диктатура, видя, что и 2 июня еще обнаруживались колебания, повторил в этот день, как и во все прочие дни: «Нам нужен вождь». Когда у него потребовали объяснения этим словам, он сумел как-то оправдаться, и якобинцы поспешили удовлетвориться его оправданием, довольные тем, что доказали свою совесть и строгость своих республиканских правил.

Они также сделали несколько замечаний по поводу малого усердия Дантона, который как будто смягчился после упразднения Комиссии двенадцати. Дантон сам был в отсутствии, но Камилл Демулен горячо защищал его, и якобинцы тоже поспешили положить конец объяснениям, отчасти из уважения к такой важной особе, отчасти во избежание слишком щекотливых рассуждений, так как восстание, хоть и свершившееся, одобрялось далеко не единодушно. Напротив, всем было известно, что сам Комитет общественной безопасности и большое число представителей Горы с ужасом смотрели на этот переворот. Но так как дело было сделано, следовало извлечь из него пользу, не подвергая новым пересудам. Это и стало теперь первой заботой.

Для этого надо было принять разные меры. Обновить комитеты, в которые входили все приверженцы правой стороны, через комитеты прибрать к рукам дела; переменить министров; получить надзор над частной перепиской; удержать на почте опасные статьи и брошюры и не допустить распространения в провинции никаких, кроме признанных полезными; немедленно сформировать революционную армию, уже учрежденную декретом и необходимую для исполнения в провинциях декретов Конвента; наконец, привести в действие принудительный заем с богачей – вот средства, предложенные и единодушно принятые якобинцами. Но необходимой более всех признали меру по редактированию в восьмидневный срок республиканской конституции. Весьма важно было доказать, что оппозиция жирондистов одна мешала исполнению этой великой задачи, успокоению Франции справедливыми законами и дарованию ей залога единения, вокруг которого она могла бы сплотиться. Такое желание было выражено одновременно якобинцами, кордельерами, секциями и коммуной.

Конвент, считая своей обязанностью исполнить это непреодолимое желание, переменял состав всех своих комитетов: общественной безопасности, финансового, военного и прочих. Комитет общественной безопасности, уже слишком заваленный делами и еще не навлекший на себя серьезных подозрений, чтобы можно было осмелиться резко переменить всех его членов, остался нетронутым. Министром иностранных дел на место Лебрена был назначен Дефорж, а министра финансов Клавьера заменил Детурнель. Проект конституции, который составил Кондорсе согласно взглядам жирондистов, был отвергнут, и Комитет общественной безопасности должен был представить другой. Для этой работы комитету дали в помощники еще пять человек. Наконец, было приказано изготовить проекты принудительного займа и организации революционной армии.

Заседания Конвента с 31 мая получили совсем новый характер. Они были молчаливы, и почти все декреты принимались без прений. Правая сторона и часть центра более не подавали голосов, как бы протестуя своим безмолвием против всего сделанного со 2 июня и поджидая

известий из департаментов. Марат считал долгом справедливости самому удалиться от дел, пока не последует суда над его противниками жирондистами, и только продолжал просвещать Конвент своими листками. Два депутата города Бордо, Понтекулан и Фонфред, прервали молчание, воцарившееся в собрании. Понтекулан обличил инсургентский комитет, который не переставал собираться в епископском дворце, останавливал посылки на почте, распечатывал их и в таком виде отсылал по адресу, приложив свой штампель «Революция 31 мая».

Конвент перешел к очередным делам. Фонфред, член Комиссии двенадцати, исключенный из декрета об аресте за то, что противился мерам, принятым этой комиссией, взошел на кафедру и потребовал исполнения декрета, приказывавшего не позже трех дней представить доклад об арестованных. Это требование возбудило некоторое волнение. «Нужно как можно скорее доказать невиновность наших товарищей, – пояснил Фонфред. – Я остался здесь единственно затем, чтобы защищать их, и объявляю вам, что из Бордо идут вооруженные люди для отмщения за устроенное против народных представителей покушение». Ответом на предложение Фонфреда был переход к очередным делам. «Это последнее кваканье болотных жаб», – говорили тогда якобинцы.

Угрозы Фонфреда были не пустыми: не только бордосцы, но жители почти всех департаментов готовы были схватиться за оружие и выступить против Конвента. Их неудовольствие возникло гораздо раньше 2 июня. Читатели помнят, что между муниципалитетами и секциями по всей Франции не было согласия. Приверженцы Горы засели в муниципалитетах и клубах; умеренные республиканцы, напротив, все ушли в секции. Разрыв разразился открыто уже в нескольких городах. В Марселе секции отобрали всю власть у муниципалитета и передали ее центральному комитету, а кроме того самовольно учредили народное судилище над патриотами, обвиняемыми в чрезмерном революционном усердии. Комиссары Бейль и Буассе отменили судилище, но это ни к чему не повело: их власть все-таки не признали и секции так и остались в состоянии восстания. В Лионе даже случилось кровопролитное сражение.

Вопрос состоял в том, будет ли исполнено постановление муниципалитета об учреждении революционной армии и взимании военной контрибуции с богатых. Секции, не соглашавшиеся на это, объявили свои заседания постоянными; муниципалитет хотел распустить их, но они с помощью директории департамента отстояли свое решение. Двадцать девятого мая дело дошло до драки, несмотря на присутствие двух комиссаров Конвента. Победа осталась за секциями. Они приступом взяли арсенал и ратушу, сменили муниципалитет, закрыли якобинский клуб и завладели верховной властью в Лионе. В это сражение были вовлечены несколько сотен человек.

Бордо представлял зрелище не более обнадеживавшее. Этот город, как и все города запада, Бретани и Нормандии, только и ждал, чтобы столь долго повторяемые угрозы против их депутатов были приведены в исполнение.

В таком-то настроении департаменты узнали о событиях конца мая. Первое упреждение Комиссии двенадцати уже произвело большое раздражение, и зашла речь о выражении неодобрения того, что происходило в Париже. Но события 31 мая и 2 июня дополнили меру негодования. Молва, всё преувеличивающая, и тут преувеличила факты. Распустили слух, будто коммуной убиты тридцать два депутата, общественные кассы разграблены, парижские разбойники забрали власть в свои руки и собираются передать ее или иноземцам, или Марату, или герцогу Орлеанскому. Народ начал собираться для составления петиций и воинственных приготовлений против столицы. В эту минуту бежавшие депутаты сами явились с рассказами о случившемся и придали импульс повсеместно вспыхнувшему недовольству.

Кроме депутатов, бежавших с самого начала, еще несколько человек ушли от жандармов; другие даже оставили собрание, чтобы ехать разжигать восстание. Жансонне, Валазе и Верньо остались, говоря, что если полезно, чтобы некоторые из них отправились будить рвение департаментов, то так же полезно, чтобы другие оставались заложниками в руках своих

врагов и, пусть подвергаясь опасности, доказали невинность всех. Бюзо, который ни на минуту не соглашался покориться декрету 2 июня, уехал в свой департамент поднимать нормандцев; Горса последовал за ним с тем же намерением. Бриссо поехал в Мулен. Мельян, не арестованный, но скомпрометированный, и Дюшатель, которого монтаньяры прозвали привидением 21 января, после того как он с постели, в простынях, явился в собрание подать голос в защиту Людовика XVI, уехали в Бретань. Бирото убежал из-под стражи и отправился вместе с Шассе руководить движением в Лионе. Ребекки, опередив Барбару, который еще сидел под арестом, уехал в департамент Устье Роны. Рабо Сент-Этьен поспешил в Ним.

В Париже мнения насчет того, какие меры следует предпринять против опасности, разделились. Члены Комитета общественной безопасности – Камбон, Барер, Бреар, Трельяр, Матье, патриоты, пользовавшиеся общим доверием, хоть они и не одобряли 2 июня, – желали бы, чтобы были приняты меры примирительного свойства. По их мнению, следовало доказать, что Конвент свободен, энергичными мерами против агитаторов и, вместо того чтобы раздражать их строгими декретами, вернуть их на путь истинный, показывая все опасности междоусобной войны. Барер от имени комитета представил проект декрета, составленный в этом духе. Согласно этому проекту революционные комитеты, внушившие такой страх многочисленными арестами, упразднились по всей Франции или возвращались к своему первоначальному назначению – надзору над подозрительными иногородними или иностранцами; в Париже должны были быть созваны первичные собрания для избрания другого главнокомандующего на место Анрио; наконец, тридцать депутатов должны были отправиться от департаментов в качестве заложников.

Эти меры казались самыми подходящими для того, чтобы успокоить департаменты. Упразднение революционных комитетов положило бы конец инквизиторскому отношению к подозрительным лицам; назначение хорошего начальника обеспечило бы спокойствие в Париже; заложники в то же время служили бы и миротворцами. Но Гора вовсе не была расположена к уступкам и сделкам. С надменностью пользуясь тем, что называла национальной властью, она отвергла всякие примирительные меры. Стараниями Робеспьера проект комитета был отсрочен. Дантон, в эту критическую минуту снова возвысив голос, напомнил о прежних, знаменитых кризисах Революции, об опасностях, грозивших в сентябре во время вторжения неприятеля в Шампань и взятия Вердена, потом в январе, прежде чем казнь последнего короля стала решенным делом, наконец, в апреле, когда Дюмурье шел на Париж и поднималась Вандея. Революция, по его мнению, поборола все эти опасности, победоносно вышла из всех этих кризисов – выйдет и из этого. «В мгновение наибольшей производительности, – сказал он, – политические тела, как и физические, всегда кажутся близкими к разрушению. Что ж! Гром гремит, а под его раскаты родится философский камень, долженствующий упрочить благополучие двадцати четырех миллионов человек». Дантон требовал, чтобы общим декретом приказали всем департаментам отменить все, ими сделанное, в срок не позже суток, под страхом, в противном случае, быть объявленными вне закона.

Могучий голос Дантона, который всегда ободрял слушателей, раздаваясь в минуту опасности, и тут произвел свое обычное действие. Конвент хоть и не в точности принял предлагаемые им меры, однако издал более энергичные декреты. Во-первых, депутаты объявили, что парижане своим восстанием заслужили благодарность отечества; что депутаты, сначала подвергнутые домашнему аресту, будут переведены в тюрьму и содержаться наравне с обыкновенными арестантами; что сделают переключку всех депутатов и те, кто окажутся отсутствующими без поручения или разрешения, будут лишены своего звания и замещены запасными; что департаментские или муниципальные власти не могут переноситься с одного места на другое и сноситься между собою и что все комиссары, посылаемые от одних департаментов к дру-

гим с целью составить коалицию, должны быть немедленно задержаны добрыми гражданами и отправлены в Париж под конвоем.

Распорядившись этими общими мерами, Конвент объявил недействительным постановление департамента Эр, отдал под суд членов департамента Кальвадос, арестовавшего двух его комиссаров; поступил точно так же с Бюзо, своими наущениями поднявшим Нормандию, и послал двух депутатов, Матье и Трельяра, в департаменты Жиронда и Ло и Гаронна, так как эти департаменты, прежде чем восстать, требовали объяснений. Депутаты, кроме того, потребовали к ответу тулузские власти, упразднили марсельский суд и центральный комитет и издали обвинительный декрет против Барбару; наконец послали Робера Ленде в Лион изучить факты и на месте составить донесение о состоянии города.

Эти декреты, вышедшие один за другим в течение июня, поколебали решимость многих департаментов, не особенно привыкших бороться с центральной властью. Испуганные, неуверенные в себе, они решились ждать примера департаментов более сильных или зашедших дальше.

Между тем нормандские власти, подстрекаемые присутствием депутатов, примкнувших к Бюзо – Барбару,

Луве, Гюаде, Салля, Петиона, Бергуэна, Лесажа, Кюсси, Кервелегана, – продолжали начатое дело и учредили в Кане центральный комитет департаментов. Эр, Кальвадос, Орн послали туда комиссаров. Бретонские департаменты, сначала составившие конфедерацию в Ренне, решили примкнуть к центральному собранию и отправить туда делегатов. Действительно, 30 июня делегаты от департаментов Морбиган, Финистер, Кот-дю-Нор, Иль-э-Вилен и Нижняя Луара присоединились к департаментам Кальвадос, Эр и Орн и составили центральное собрание для сопротивления угнетению, обязавшись сохранять равенство, единство, нераздельность Республики; но клялись при этом в ненависти к анархистам.

Определив таким образом свое назначение, новое собрание решило собрать с каждого департамента по достаточному контингенту, чтобы оснастить войско, могущее идти на Париж и восстановить национальное представительство во всей его полноте и целостности. Феликс Вимпфен, начальник отряда, расположенного близ Шербура, был назначен начальником департаментского войска. Он принял это назначение, а на приказ военного министра явиться в Париж ответил, что есть только одно средство водворить мир: отменить все декреты, изданные с 31 мая; что за эту цену департаменты готовы побрататься со столицей, а в противном случае он может пойти на Париж во главе шестидесяти тысяч нормандцев и бретонцев.

Министр, в то же время, пока звал Вимпфена в Париж, приказывал полку ламаншских драгунов, стоявшему в Нормандии, тотчас отправляться в Версаль. Узнав об этом, все федераты, уже собравшиеся в Эврё, выстроились в боевом порядке и загородили драгунам дорогу на Версаль; к ним присоединилась и Национальная гвардия. Драгуны, не желая доводить дело до драки, обещали не уходить и для вида побратались с федератами. Офицеры же тайком написали в Париж, что не могут двинуться, не начав междоусобной войны, и получили разрешение остаться.

Собрание в Кане решило направить пришедшие уже бретонские отряды на Эврё, общий сборный пункт всех войск. Туда же были посланы боевые и съестные припасы, оружие, суммы, взятые из общественных касс, а также переманенные офицеры и много тайных роялистов, которые бросались во всякую сумятицу, чтобы под республиканской личиной сражаться против революции. В числе этих контрреволюционеров находился некто Пюизе, который напустил на себя великое усердие в пользу жирондистов; Вимпфен, тоже тайный роялист, назначил его бригадным командиром и дал начальство над авангардом в Эврё. Этот авангард доходил до тысяч пяти или шести и каждый день увеличивался новыми контингентами. Храбрые бретонцы собирались со всех сторон и рассказывали, что за ними следуют новые отряды. Одно только обстоятельство мешало им сойтись всем вместе: необходимость охранять берега океана

от английских флотов и посылать отряды против Вандеи, которая подошла уже к самой Луаре и, казалось, собиралась перейти ее. Если сельские бретонцы были преданы своему духовенству, то городские стали искренними республиканцами и, хотя готовы были воевать против Парижа, нисколько не отказывались от упорной войны против Вандеи.

Таково было положение дел в Бретани и Нормандии к первым числам июля. В близких к Луаре департаментах рвение уже несколько охладело; комиссары Конвента, находившиеся там для руководства новыми наборами против Вандеи, уговорили власти подождать дальнейших событий и до времени не компрометировать себя еще больше.

Зато в Бордо восстание продолжалось с неослабной энергией. Депутаты Трельяр и Матье с самого приезда попали под строгий надзор; шла даже речь о том, чтобы арестовать их в качестве заложников; однако до этой крайности не дошло, их только потребовали в народную комиссию, где буржуа, смотревшие на них как на маратистов, приняли их довольно недружелюбно. Депутатов расспросили обо всем, что происходило в Париже, и комиссия, выслушав их, объявила, что Конвент 2 июня не был свободен, что он не свободен и теперь, они же – посланные собрания, не имеющего легального характера, а следовательно, могут потрудиться выехать из департамента. Их довели до границы и тотчас вслед за тем в Бордо приняли те же меры, что и в Кане: стали готовить припасы и оружие, деньги из общественных сумм и войска. Всё это происходило в последних числах июня и первых числах июля.

Матье и Трельяр нашли меньшее сопротивление и большее расположение в департаментах Дордонь, Виенна и Ло и Гаронна; там им удалось несколько успокоить умы своими примирительными речами, предотвратить принятие решительных враждебных мер и выиграть время в интересах Конвента. Но в более высоко расположенных департаментах – в горах Верхней Луары и на склонах их, в департаментах Геро, Гар, наконец, вдоль берегов всей Роны – восстание было общим; Гар и Геро послали свои отряды к Пон-Сент-Эспри, чтобы занять переправу через Рону и соединиться с марсельцами, которые должны были подняться вверх по реке. Дело в том, что марсельцы не захотели покориться декретам Конвента, а сохранили учрежденный ими суд, не выпустили захваченных патриотов и даже приступили к казням. Они составили армию в шесть тысяч человек, которая пошла из Экса на Авиньон и должна была, соединившись с лангендокцами, собранными у Пон-Сент-Эспри, подняться вдоль берегов Роны, Изера и Дрома и объединиться с лионцами и монтаньярами департаментов Юра и Эна. В Гренобле власти боролись против Дюбуа-Кран-се и даже грозили ему арестом. Не решаясь еще собирать войска, этот город послал депутатов побрататься с Лионом. Дюбуа-Крансе со своей расстроенной Альпийской армией находился среди почти бунтовавшего города, где ему ежедневно твердили, что юг может обойтись без севера. Ему надо было оберегать Савойю, где иллюзии, сначала навеянные свободой и владычеством Франции, уже рассеивались и жители жаловались на набор, на ассигнации, ничего не понимая в этой революции, столь бурной и столь отличной от того, что они прежде воображали. Кроме того, сбоку у Дюбуа была Швейцария с эмигрантами, а с тыла – Лион, который перехватывал его переписку с Комитетом общественной безопасности.

Лионцы приняли Робера Ленде, но в его присутствии принесли федералистскую присягу, провозгласили единство и нераздельность Республики, ненависть к анархистам и цельность национального представительства. Они не только не отправили в Париж арестованных патриотов, но и начали против них судебную процедуру. Новая власть, составленная из депутатов общин и членов различных правлений, была учреждена под названием Народная республиканская комиссия общественного блага департамента Рона. Это собрание постановило сформировать департаментское войско для соединения с братьями из других департаментов, оно уже было совсем готово; кроме того, решили собрать субсидию и ожидали только сигнала, чтобы двинуться. Как только в Юре стало известно, что депутаты из Труа, присланные для вос-

становления покорности Конвенту, собрали полторы тысячи человек линейного войска, более четырнадцати тысяч монтаньяров сразу вооружились, собираясь окружить эти войска.

Если мы вникнем в положение Франции в первых числах июля 93 года, то увидим, что одна колонна, двинувшись из Бретани и Нормандии и дойдя до Эврё, стояла всего в нескольких лье от Парижа; другая шла на столицу из Бордо, причем могла увлечь за собой все департаменты бассейна Луары, еще колебавшиеся; что шесть тысяч марсельцев, ожидавших лангедокцев у Пон-Сент-Эспри, уже занятого восьмьюстами немцами, могли мигом соединиться в Лионе с федератами Гренобля, Эна и Юры, чтобы ринуться на Париж. В ожидании этого общего единения федералисты выгребали из касс все деньги, перехватывали припасы, посылаемые армиям, и снова пускали в оборот ассигнации, изъятые с помощью продаж национальных имуществ. Замечательное обстоятельство, вполне характеризующее дух партий, заключалось в том, что каждая высказывала другой те же упреки и приписывала ту же цель. Партия Парижа и Горы обвиняла федералистов в стремлении погубить Республику, разъединяя ее, и в сговоре с англичанами. Партия же департаментов и федералистов обвиняла Гору в намерении привести к контрреволюции путем анархии и говорила, что Марат, Робеспьер и Дантон продались Англии. Таким всегда бывает плачевное ослепление партий!

Но всё это еще была только часть опасностей, грозивших несчастной Франции. Внутренний враг был страшен только по милости внешнего, который стал между тем страшнее, нежели когда-либо. Пока целые армии французов шли из провинций к центру, иноземные армии снова окружили Францию и грозили ей почти неизбежным вторжением. Со времени сражения в Неервиндене и отступничества Дюмурье Франция лишилась всего завоеванного и своей северной границы. Читатели помнят, что Дампьер, назначенный главнокомандующим, стянул всю армию под стены Бушена и придал ей там некоторую бодрость и цельность в действиях. К счастью для революции, союзники, твердо держась методического плана, установленного в начале кампании, не хотели ни на одном пункте переходить границу, решив сделать это не ранее, чем когда прусский король, взяв Майнц, будет в состоянии пробиться до самого центра Франции. Если бы между полководцами коалиции оказалось хоть немножко военного гения или согласия – дело Революции пропало бы. Союзникам следовало идти вперед, не давать ни минуты покоя побитой, разрозненной, преданной армии; тогда в плен бы она попала или была бы отброшена в крепости, неприятелю открылась бы дорога прямо на Францию. Но союзники устроили в Антверпене конгресс с целью наметить дальнейшие военные операции. Герцог Йоркский, принц Кобургский, принц Оранский и еще несколько генералов решили между собой, как действовать. Было решено взять Конде и Валансьен, чтобы доставить Австрии новые крепости в Нидерландах, а потом – Дюнкерк, чтобы открыть англичанам столь желанный порт на материке.

Условившись таким образом, союзники вновь начали военные действия. Герцог Йоркский командовал 20 тысячами австрийцев и ганноверцев; принц Оранский – 15 тысячами голландцев; принц Кобургский – 45 тысячами австрийцев и 8 тысячами гессенцев. Принц Гогенлоэ с 30 тысячами австрийцев занимал Намюр и Люксембург и соединял союзную армию в Нидерландах с прусской армией, на которую была возложена осада Майнца. Так что от 80 до 90 тысяч человек угрожало одному северу.

Союзники уже начали блокаду Конде, и французскому правительству ничего так не хотелось, как снять ее. Дампьер, храбрый, но не уверенный в своих солдатах, не решался напасть на такие силы. Однако, подгоняемый комиссарами Конвента, он привел армию в лагерь при Фамаре под самым Валансьеном и 1 мая несколькими колоннами напал на австрийцев, укрепившихся в лесах. Военные комбинации в то время были еще робки: составить силу, найти слабую точку неприятеля и бить в нее смело – такая тактика не была известна ни той ни другой стороне. Дампьер отважно, но небольшими отрядами, бросился на неприятеля, тоже раз-

дробленного, которого легко было бы подавить в какой-нибудь одной точке; в наказание за эту ошибку он был побежден после упорного сражения. Девятого мая он возобновил атаку уже менее раздробленными силами, но и враги его тоже были научены опытом, и, в то время как он прилагал героические усилия, чтобы взять редут, который должен был соединить две его колонны, его смертельно ранили. Генерал Ламарш, временно приняв начальство, приказал отступить и возвратился с армией в Фамарский лагерь.

Фамарский лагерь, находившийся под Валансьеном, не давал осадить крепость. Союзники решили напасть на него 23 мая. Они рассыпали свои войска, без всякой пользы разбросали часть их по множеству пунктов, которые австрийцы непременно хотели все удержать за собою, и не применили против лагеря всех своих сил. Задержанные на целый день артиллерией, составлявшей гордость французской армии, они только к вечеру смогли переправиться через речку Ронель, защищавшую лагерь с фронта. Ламарш ушел ночью, в совершенном порядке, и перешел в так называемый Лагерь Цезаря, соединенный с крепостью Бушей так же, как Фамарский с Валансьеном. Часть союзной армии, расположившись в виде наблюдательного корпуса, стала между Валансьеном и Бутеном, лицом к Лагерю Цезаря. Другое отделение приступило к осаде Валансьена, а остальные войска продолжали блокаду Конде в надежде довести эту крепость до сдачи в несколько дней, так как в ней оставалось мало провианта.

Осада Валансьена началась правильно. Девяносто три мортиры были уже готовы, сто восемьдесят орудий шли из Вены и еще сто из Голландии. Таким образом, в июне и июле Конде покоряли голодом, Валансьен – огнем, а французские генералы управляли побитой и расстроенной армией. По взятии Конде и Валансьена можно было опасаться самого худшего.

Мозельская армия, соединившая Северную с Рейнской, перешла под начало Линевиля, когда Бернонвиль был назначен военным министром. Эта армия противостояла князю Гогенлоэ, который, впрочем, не был ей страшен, потому что занимал одновременно Намюр, Люксембург и Трир, имея никак не более тридцати тысяч человек; ему, кроме того, надлежало еще заняться Мецем и Тионвилем. Сверх того, от семи до восьми тысяч человек у него отняли для присоединения к прусской армии. Вследствие этого было весьма легко и выгодно соединить Мозельскую армию с армией, стоявшей на Верхнем Рейне, чтобы вместе предпринять серьезное наступление.

На Рейне предыдущая кампания окончилась в Майнце. Кюстин после своих смешных демонстраций вокруг Франкфурта был вынужден отступить и запереться в Майнце, где он располагал порядочной артиллерией, собрав орудия из разных французских крепостей, в особенности из Страсбурга. Там он строил тысячу планов: хотел то начать действовать наступательно, то защищать Майнц, а то и бросить его. Наконец решились защищать, и генерал даже способствовал этому решению исполнительного совета. Это заставило прусского короля начать осаду, и именно это обстоятельство и мешало союзникам подвигаться ближе к северу Франции.

Прусский король перешел Рейн при Бахарахе, близ Майнца; Вурмзер с 15 тысячами австрийцев и несколькими тысячами французов под началом принца Конде переправился через Рейн несколько выше; гессенский корпус Шёнфельда остался на правом берегу, перед Касселем. Прусская армия еще не была в той силе, в какой ей надлежало быть согласно обязательствам, взятым на себя Фридрихом-Вильгельмом. Выслав значительный отряд в Польшу, он остался с 50 тысячами, включая все контингенты – гессенский, саксонский и баварский. В итоге можно было насчитать около 80 тысяч человек, стоявших против восточной границы. По французским прирейнским крепостям стояло гарнизоны 38 тысяч;

действующая армия состояла из 40 или 45 тысяч; Мозельская – из 30; и если бы две последние соединились под руководством одного человека, то, имея такую точку опоры, как Майнц, можно было идти на прусского короля и занять его позиции по ту сторону Рейна.

Мозельскому и рейнскому главнокомандующим следовало по крайней мере действовать согласно. Они могли помешать переправе, даже вовсе воспрепятствовать ей, но они и не думали этого делать. В течение марта прусский король безнаказанно перешел Рейн и встретил только несколько передовых отрядов, которые без труда отбросил. Тем временем Кюстин находился в Вормсе. Он не позаботился защитить ни берега Рейна, ни склоны Вогезских гор, которые составляют ограду Майнца и могли бы остановить пруссаков. Он бросился туда поспешно, но испугался потерь, понесенных его передовыми отрядами, вообразил, что будет иметь дело со 150 тысячами солдат, а главное, ему представилось, что Вурмзер, который должен был выйти из Пфальца выше Майнца, очутится у него в тылу и отрежет его от Эльзаса. Кюстин просил помощи у Линевиля; тот тоже струсил и не посмел тронуть с места ни один полк. Тогда Кюстин просто побежал и в один прием отступил на Ландау, а потом на Вейсенбург и даже подумывал о том, чтобы искать спасения под пушками Страсбурга. Это непостижимое отступление раскрыло пруссакам все проходы; они сошлись под Майнцем и напали на крепость с обоих берегов.

В крепости было 20 тысяч человек – слишком много и для защиты, и по имевшимся запасам: их могло не хватить на такой значительный гарнизон. Для продовольствования города не было сделано ничего. К счастью, в нем находились два комиссара, Ревбель и доблестный Мерлен из Тионвиля, генерал Клебер, Обер-Дюбайе и инженер Менье, а гарнизон отличался всеми военными доблестями – храбростью, воздержностью, выносливостью. Осада началась в апреле. Генерал Калькрейт командовал осадным корпусом, состоявшим из пруссаков. Король Пруссии с Вурмзером занимали наблюдательную позицию у подножия Вогезов, лицом к Кюстину. Гарнизон часто совершал вылазки и далеко простирал свои оборонительные работы.

Французское правительство, осознав, какую совершило ошибку, разъединив Мозельскую и Рейнскую армии, теперь соединило их под началом Кюстина. Этот генерал, стало быть, располагал 60 или 70 тысячами солдат; австрийцы и пруссаки были разбросаны перед ним, а за ними стоял Майнц, оберегаемый 20 тысячами французов. А между тем он и не думал нападать на наблюдательный корпус, чтобы разогнать его и соединиться с храбрым гарнизоном, который протягивал ему руку. Только в середине мая, чувствуя, как опасно подобное бездействие, Кюстин сделал попытку, плохо задуманную, еще хуже исполненную и окончившуюся совершенным поражением. По своему обыкновению, он всё свалил на подчиненных и был переведен в Северную армию – чтобы заново организовать и подбодрить войска. Таким образом, союзники, взяв Валансьен и Майнц, могли идти прямо на центр и беспрепятственно совершить вторжение.

От Рейна до Альп и Пиренеев целая цепь восстаний грозила тылу армии и перерезала ее сообщения. Вогезы, Юра, Овернь, Лозер составляют, от Рейна до Пиренеев, почти непрерывающуюся цепочку гор различной высоты. Горные страны всегда консервативны в отношении учреждений, нравов и обычаев жителей. Почти во всех означенных местностях среди населения сохранялся остаток привязанности к своему прежнему, старинному быту, и все жители, хоть и не обуреваемые таким свирепым фанатизмом, как Вандея, все-таки были не прочь взбунтоваться.

Население Вогезов, напротив, наполовину немецкое, поддавалось влиянию дворян и священников и выказывало тем большую враждебность, чем больше шаталась Рейнская армия. Вся Юра поднялась из-за Жиронды, и если этот край в своем восстании обнаруживал больше любви к свободе, он был не менее опасен, потому что от 15 до 20 тысяч монтаньяров собирались вокруг Лон-ле-Сонье и соединялись с инсургентами Эны и Роны. Мы уже видели, в каком состоянии был Лион. Горы Лозер, отделявшие Верхнюю Луару от Роны, наполнялись мятежниками под предводительством бывшего члена Учредительного собрания по имени Шаррье. Их было уже до 30 тысяч, и они могли через Луару соединиться с Вандеей. За ними следовали федералисты юга.

Вдоль Альп стояли вооруженные пьемонтцы, собираясь отобрать у французов Савойю и Ниццу. Снега мешали началу военных действий вдоль Сен-Бернара, и каждая сторона удерживала свои позиции в трех долинах Салланш, Тарантэз и Мориенн. В департаменте Приморские Альпы и в армии, называемой Итальянской, дела шли не лучше. Там неприятельские действия были возобновлены рано, и уже в мае началось состязание из-за важной горной крепости Саорджио, от которой зависело обладание Ниццей. Действительно, раз заняв эту позицию, французы завладели бы проходом Коль-ди-Тенда, то есть ключом этой горной цепи.

Пьемонтцы с такой же энергией защищали Саорджио, с какой французы на него нападали. В Савоие и в окрестностях Ниццы у них было 40 тысяч солдат и 8 тысяч вспомогательных австрийских войск. Войска их, расставленные несколькими корпусами одинаковой силы от Коль-ди-Тенда до Большого Сен-Бернара, следовали, подобно всем союзным войскам, кордонной системе и стерегли все долины. Итальянская армия находилась в плачевнейшем состоянии. В ней было всего 15 тысяч солдат, она во всем терпела недостаток, начальство было неудачным, и невозможно было требовать от армии в таком положении больших усилий. Генерал, недолго командовавший ею, прибавил 5 тысяч человек, но не смог снабдить ее всем нужным. Пьемонтцы могли, из-за льдов, не дававших действовать у Верхних Альп, перенести все свои силы к Южным Альпам, явиться перед Ниццей с 30-тысячной армией, разом отбросить Итальянскую армию в восставшие департаменты, помочь восстанию на обоих берегах Роны, пробраться, может быть, до Гренобля и Лиона, там с тыла обойти французскую армию, засевавшую в долинах Савойи, – словом, совершить нашествие на большой кусок Франции. Но если австрийцы в эту войну не имели второго принца Евгения, а англичане – второго Мальборо, то и пьемонтцы не имели второго Амедея. Поэтому они довольствовались защитой Саорджио.

Брюнэ, преемник Ансельма, так же усердно трудился у стен Саорджио, как Дампьер – около Конде. После нескольких кровопролитных, но бесполезных сражений, наконец, 12 июня, последовало сражение решительное, кончившееся полным поражением французов. Если бы пьемонтцы почерпнули в своей победе некоторую смелость, то могли бы совсем разогнать неприятеля, заставить очистить Ниццу и перейти обратно через реку Вар. Подоспел Келлерман из своей главной квартиры, стянул армию в лагерь при Донжоне, занял несколько оборонительных позиций и велел, в ожидании подкреплений, держаться в полном бездействии.

Положение армии становилось еще опаснее вследствие появления в Средиземном море английского адмирала Худа, вышедшего из Гибралтара с тридцатью семью судами, и адмирала Лангары, который вывел почти столько же из испанских портов. Демаркационным войскам легко было бы занять линию Вара и с тыла напасть на французов. Сверх того, присутствие этих эскадр мешало подвозу припасов морем, потворствовало восстанию юга и поощряло Корсику броситься в объятия англичан. Французский флот исправлял в Тулоне повреждения, полученные им во время несчастной экспедиции против Сардинии, и едва осмеливался поддерживать каботажные суда, привозившие хлеб из Италии. Средиземное море более не принадлежало Франции, и торговля с Востоком переходила из рук Марселя в руки греков и англичан. Стало быть, Итальянская армия имела перед собой пьемонтцев, победивших в нескольких сражениях, а с тыла – восставший юг и две эскадры.

В Пиренеях только начиналась война, объявленная Испанией еще 7 марта, после казни Людовика XVI. Приготовления долго тянулись с обеих сторон, потому что Испания, ленивая, медленная во всем, притом управляемая самым бестолковым образом, не могла справиться скорее, а у Франции и без нее было достаточно других врагов. Серван, главнокомандующий Пиренейской армии, несколько месяцев занимался ее организацией и бранил Паша с таким же ожесточением, как Дюмурье. Дела оставались в том же положении при Бушотте, и когда кампания уже открылась, главнокомандующий всё еще жаловался на министра. Точками сообщения между Испанией и Францией служат два города – Перпиньян и Байонна.

Смело двинуться на Байонну и Бордо, а оттуда прямо в Вандею было делом слишком отважным для того времени; притом испанцы полагали, что эта сторона защищена лучше, нежели это было в самом деле: следовало еще пройти через департаменты Ланда, Гаронна и Дордонь, а подобных трудностей было бы достаточно, чтобы заставить отказаться от плана, даже если бы таковой существовал. Мадридский двор предпочел повести атаку на Перпиньян, потому что с этой стороны Испания имела более надежный ряд крепостей, притом двор рассчитывал на роялистов юга, наконец, испанцы не позабыли и своих исконных притязаний на Руссильон. От 4 до 5 тысяч человек были оставлены на защиту Арагона; от 15 до 18 тысяч, наполовину регулярные войска, наполовину милиция, должны были воевать под начальством генерала Каро в Западных Пиренеях; наконец, генерал Рикардос, с 20 тысячами человек, получил приказание двинуться на Руссильон.

От горной цепи отделяются две главные долины – рек Те и Тек – и составляют первые две линии защиты со стороны Франции. Перпиньян стоит на последней из этих линий. Рикардос, выведав, как незначительны оборонительные средства французов, начал свои действия смелым движением: он заслонил собой форты Бельгард и Ле-Бен, находящиеся на первой линии, и пошел вперед с намерением сделать бесполезными французские отряды, разбросанные по долинам, сразу забираясь дальше них. Это ему удалось. Он вышел 15 апреля, разбил отряды, посланные против него генералом Вилло, и посеял панический страх вдоль всей границы. Двинься он еще дальше с 10 тысячами, он непременно завладел бы Перпиньяном, но на это у генерала не хватило смелости; притом не все приготовления были еще кончены, и Рикардос дал французам время осмотреться.

Начальство над Пиренейской армией, из-за слишком большого ее протяжения, пришлось разделить: Сервану достались Западные Пиренеи, а генералу де Флеру, уже служившему в голландской экспедиции, – Восточные. Последний стянул свою часть армии перед Перпиньяном. Девятнадцатого мая Рикардос, собрав до 18 тысяч человек, атаковал французский лагерь. Бой был кровавым. Храбрый генерал Дагобер, сохранивший, несмотря на преклонные лета, юношеский пыл и притом одаренный большим умом, сумел устоять. Де Флер подошел с еще 18 тысячами резервных войск, и они вдвоем удержали позицию за собой. День клонился к концу, и всё предвещало счастливый исход сражения, как вдруг с наступлением ночи измученные французы попятились и в беспорядке побежали под самый Перпиньян. Испуганный гарнизон запер ворота и стрелял в своих, принимая их за испанцев. Это был еще один удобный случай смело броситься на Перпиньян и завладеть крепостью, которая не стала бы защищаться; но Рикардос, так как он только маскировал Бельгард и Ле-Бен, не считал нужным рисковать и возвратился вспять, чтобы начать осаду этих двух маленьких крепостей. Он захватил их около конца июня и опять пошел навстречу французским войскам, стоявшим почти там же, где и прежде. Итак, в июле довольно было бы одного неудачного сражения, чтобы лишить Францию Руссильона.

Но все эти бедствия усугубляются по мере того, как мы приближаемся к другому театру войны, более кровавому, более страшному. Вандея, вся в крови и огне, готовилась извергнуть за Луару грозную колонну. Мы оставили вандейцев воспламененными неожиданным успехом, овладевшими городом Туар и замышлявшими более обширные операции. Вместо того чтобы идти на Дуэ и Сомюр, они повернули к югу, думая освободить территорию страны возле Фонтене и Ниора. Лескюр и Ларошжаклен, которым была поручена эта экспедиция, двинулись на Фонтене 16 мая. Отраженные сначала генералом Сандосом, они отступили довольно далеко; потом, пользуясь слепой самоуверенностью, внушенной республиканскому генералу этой первой победой, явились снова в количестве от 15 до 20 тысяч и завладели Фонтене; а затем вынудили Шальбо и Сандоса отступить к Ниору в величайшем беспорядке. Вандейцы нашли в городе оружие и большое количество зарядов и вообще обогатились новыми запасами, кото-

рые вместе со взятыми в Туаре давали им возможность продолжать войну с надеждой на новый успех. Лескюр издал прокламацию к жителям; в ней он грозил им ужаснейшими наказаниями, если они будут помогать республиканцам. Назначив дату следующего схода на 1 июня в окрестностях Дуэ, вандейцы, по своему обыкновению, на время разошлись, так как полевые работы требовали их присутствия дома.

В Нижней Вандее, где Шаретт властвовал один, еще не соотнося своих движений с прочими вождями, всё складывалось не так удачно. Канкло, командовавший в Нанте, удержался в Машкуле, но с трудом; генерал Булар, командовавший в Ле-Сабль-д'Олоне, благодаря своим дельным распоряжениям и дисциплине в армии занимал в течение двух месяцев Нижнюю Вандею и даже сохранил весьма отдаленные передовые посты в окрестностях Паллю. Однако 17 мая ему пришлось отступить, и он оказался в весьма затруднительном положении, потому что два его лучших батальона, состоявшие из граждан Бордо, хотели уйти, отчасти желая возвратиться к брошенным домам, отчасти из недовольствия по поводу 31 мая.

Полевые работы дали передышку как Верхней, так и Нижней Вандее; война в продолжение нескольких дней остановилась, и возобновление ее отложили до начала июня.

Генерал Беррюе, первоначально командовавший всем театром войны, был замещен несколькими генералами, между которыми и разделили его обязанности. Одно отделение армии, стоявшее в Сомюре, Ниоре и Сабле, получило название Армии ларошельских берегов и было вверено Бирону; в Анжере, Нанте и на Нижней Луаре стояла Армия брестских берегов, командуемая генералом Канкло. Наконец, Армия шербурских берегов была отдана под начальство Вимпфена, впоследствии перешедшего на сторону инсургентов и сделавшегося главой кальвадосцев.

Бирон, переведенный с рейнской границы на итальянскую, а с итальянской – в Вандею, неохотно отправился на этот возмутительный театр войны, где отвращение к ужасам междоусобной войны должно было погубить злосчастного генерала. Двадцать седьмого мая он прибыл в Ниор и нашел там армию в неопишемом беспорядке. Она состояла из только что набранных рекрутов, притом набранных силою и брошенных как попало в Вандею, необученных, без дисциплины, без провианта. Это всё были крестьяне или городские ремесленники, неохотно оставившие свои занятия и каждую минуту готовые разбежаться. Гораздо полезнее было бы большинство этих людей отослать домой: там отсутствие их было весьма чувствительно, а взбунтовавшийся край они только без пользы разоряли и объедали; кроме того, они распространяли всюду беспорядок и панический страх и нередко увлекали за собой в бегство регулярные отряды, которые, будучи предоставлены сами себе, дрались бы несравненно лучше. Все эти отряды являлись со своим начальником, величавшим себя генералом; такой генерал только и толковал, что о своей армии, никого не слушался и расстраивал все распоряжения высшего начальства. Около Орлеана составлялись отряды, прославившиеся в этой войне под названием орлеанских батальонов. Состояли они из конторщиков, приказчиков, лакеев, наконец, из молодых людей, высланных из Парижа вслед за Сантерром; они смешивались с войсками, взятыми из Северной армии, по пятидесяти человек с батальона. Но надо было еще сплотить эти разнородные элементы, найти для них одежду и оружие. Не было ничего, даже жалованья, а так как, даже выплачиваемое, оно было не одинаково для регулярных войск и добровольцев, то только подавало лишний повод к мятежу.

Чтобы привести эту толпу в порядок, Конвент отправлял комиссара за комиссаром. Комиссары эти перечили и мешали друг другу и генералам. Исполнительный совет тоже держал в тех местах своих агентов; в особенности министр Бушотт наводнил страну своими доверенными лицами из числа кордельеров и якобинцев. Эти господа постоянно ссорились с депутатами, душили народ реквизициями и обвиняли в деспотизме и предательстве военных начальников, старавшихся положить конец непокорности войск или помешать ненужным притеснениям. Из этого столкновения властей происходили ужаснейший хаос и совершенное

безначалие. Бирон не мог добиться повиновения и не смел двинуть свою армию из опасения, чтобы она не разбежалась в первый же день или не расхитила всего, что попадется на пути. Такова верная картина военных сил, которыми Республика располагала в это время в Вандее.

Бирон отправился в Тур и наметил вместе с комиссарами общий план действий – направить четыре колонны, каждую по 10 тысяч человек, от периферии к центру, как только удастся хоть сколько-нибудь организовать эту пеструю толпу. Четырьмя точками отправления были назначены мосты при Се, Сомюре, Шиноне и Ниоре. Пока же он поехал осматривать Нижнюю Вандею, полагая, что там опасность больше, чем в других местах. Он небезосновательно опасался того, чтобы между вандейцами не установились в конце концов сношения. Снабжение Маре войсками и боевыми припасами могло вконец испортить дело, а войну сделать нескончаемой. В море недавно заметили флот из десяти судов, и было известно, что бретонские эмигранты получили приказ собраться на островах Джерси и Гернси. Стало быть, всё подтверждало опасение Бирона и оправдывало его поездку в Нижнюю Вандею.

Тем временем вандейцы собрались 1 июня и назначили совет для управления краем, занятым их армиями. Какой-то авантюрист, выдававший себя за епископа Агрского и посланца папы римского, председательствовал в этом совете, благословляя знамена, служил торжественные обеды и молебствия, возбуждая этим энтузиазм вандейцев. Главнокомандующего они еще не избрали; каждый предводитель командовал поселянами своего участка; они только договорились заранее сообщать друг другу обо всех своих операциях. Эти предводители издали прокламацию от имени Людовика XVII и графа Прованского и именовали себя командующими королевско-католических армий. Они сначала задумали занять всю линию Луары и идти на Дуэ и Сомюр. Предприятие это было смелое, но при существовавшем тогда положении дел нетрудное. Седьмого июня вандейцы вступили в Дуэ, а 9-го уже были перед Сомюром. Как только выяснилось, в какую сторону они пошли, генерал Саломон, стоявший в Туаре с тремя тысячами солдат, получил приказ идти за ними следом и догнать. Но оказалось, что вандейцев слишком много; если бы генерал тронул их, они непременно истребили бы его. Поэтому он вернулся в Туар, а оттуда в Ниор.

Войска, стоявшие в Сомюре, заняли позицию в окрестностях города, по дороге в Фонтеврё, в укреплениях Нантильи и на высотах Бурнана.

Вандейцы приближаются, атакуют колонну Бертье, их удар отражает удачно действующая артиллерия, но они возвращаются в большем числе; тогда Бертье подается и его ранят. Пешие жандармы, два орлеанских батальона и кирасиры еще держатся, но последние теряют своего полковника, и тут начинается полное поражение, войска приходится отводить назад в крепость, куда вандейцы проникают вслед за ними. Вне ограды остается еще генерал Кустар, командующий войсками на Бурнанских высотах. Он видит себя отрезанным от республиканской армии и смело решается пробиться в Сомюр, напав на вандейцев с тыла. Для этого надо перейти мост, на котором победители только что поставили батарею. Храбрый генерал приказывает корпусу кирасиров атаковать батарею.

– Куда вы нас посылаете? – восклицают некоторые.

– На смерть, – отвечает он, – но благо Республики того требует.

Кирасиры бросаются вперед, но орлеанские батальоны разбегаются. Их трусость делает геройство остальных бесполезным, и Кустар, не имея возможности войти в Сомюр, уходит в Анжер.

Сомюр был занят 8 июня, а на другой день сдалась и крепость. Вандейцы, завладев всем течением Луары, могли теперь идти либо на Нант, либо даже на Ле-Ман и Париж. Бирон между тем находился в Нижней Вандее, где думал занятием берегов предотвратить главные опасности.

Из вышесказанного видно, что беды рушились на Францию со всех сторон. Союзники были весьма близки к взятию Валансьена, Конде, Майнца, главных оплотов ее границ. Восстание Вогезов и Юры открывало неприятелю прямой путь с Рейна. Итальянская армия, терпя поражения от пьемонтцев, имела за собой восставший юг и английские эскадры. Испанцы, ставшие перед французским лагерем под Перпиньяном, каждую минуту могли взять его с боя и завладеть Руссильоном. Мятежники

Лозерских гор готовы были подать руку вандейцам на берегу Луары, что и было целью зачинщиков этого восстания.

Союзникам стоило только пренебречь пограничными крепостями и идти прямо на Париж – они отбросили бы Конвент за Луару, где его приняли бы вандейцы. Австрийцы и пьемонтцы могли совершить вторжение с Приморских Альп, уничтожить французскую армию и победителями пройти вверх через весь юг. Испанцы имели возможность пробраться в Вандею через Байонну или смело идти к Лозерским горам и поднять все южные департаменты. Наконец, англичане могли высадить войска в Вандее и вести их из Сомюра на Париж.

Но и внешние и внутренние враги Конвента не имели того, что одно обеспечивает победу в революционной войне. Союзники действовали без согласия и под видом священной войны носились с самыми себялюбивыми замыслами. Австрийцам хотелось получить Валансьен, прусскому королю – Майнц, англичанам – Дюнкерк, пьемонтцы стремились вернуть себе Шамбери и Ниццу; испанцы, всех менее заинтересованные лично, все-таки подумывали о Руссильоне; наконец, англичане гораздо более заботились о том, чтобы покрыть Средиземное море своим флотом и пожить каким-нибудь портом, нежели о том, чтобы толком помочь Вандее. Кроме этого поголовного эгоизма, мешавшего союзникам смотреть далее своей непосредственной выгоды, они все воевали робко и методически и старой военной рутинной защищали рутину политическую.

Что касается вандейцев, людей простых, без рассуждений восставших против духа революции, они дрались как храбрые, но ограниченные вольные стрелки. Федералисты, рассеянные по всей Франции, могли действовать лишь неуверенно и медленно, потому что им приходилось сноситься через большие расстояния, кроме того, они всё же с робостью поднимались против центральной власти, и они не горели страстью. Они втайне упрекали себя за то, что устраивают вредную для Франции диверсию, и начинали сознавать, что не время спорить о том, по чьему образцу – Петиона и Верны) или Робеспьера и Дантона – служить революции, когда вся Европа надвигается на отечество, и при таких обстоятельствах остается только один способ служения. Вокруг них шумели фракции, как бы указывая на их ошибку. Приверженцы Учредительного собрания, агенты бывшего двора, клеветы прежнего духовенства – словом, все сторонники неограниченной власти зашевелились разом, и федералистам стало ясно до очевидности, что всякое сопротивление революции выгодно, главным образом, врагам свободы и нации.

Этим-то причинам Конвент впоследствии был обязан своим торжеством над внутренними мятежами и Европой. Одни монтаньяры, воодушевленные высокой страстью и единой мыслью – о спасении революции, дошедшие до той экзальтации духа, при которой открываются средства самые новые и смелые, не кажущиеся ни слишком рискованными, ни слишком дорогими, должны были удивить и побороть неприятелей и задушить все фракции, не имевшие ни согласия, ни определенной цели.

Конвент, поставленный в такие исключительные обстоятельства, не растерялся. Пока крепости и укрепленные лагеря на время останавливали неприятеля на различных границах, Комитет общественной безопасности день и ночь трудился над преобразованием армий, укомплектованием их посредством постановленного еще в марте набора в триста тысяч человек и отправкой главнокомандующим инструкций, денег и припасов. Он же вступал в переговоры со

всеми местными администрациями, удерживавшими припасы для армий, для федералистов, и убеждал их великими словами: общее благо.

Пока эти средства применялись относительно внешнего врага, Конвент принимал не менее действенные меры против врага внутреннего. Первое спасение от неприятеля, сомневающегося в своих силах, – не сомневаться в своих. Конвент так и поступил. Мы уже видели, какие декреты он издал при первом признаке восстания. Многие города не уступили, но депутатам ни на минуту не приходило в голову соглашаться на сделку с теми из них, действия которых решительно приняли характер мятежа. Когда лионцы отказались отослать в Париж арестованных патриотов, депутаты приказали своим комиссарам при Альпийской армии применить силу, не смущаясь ни трудностями, ни опасностями, грозившими комиссарам, например, в Гренобле, где у них были впереди пьемонтцы, а сзади – все мятежники Роны и Изера. Конвент предписал им усмирить Марсель, всем администрациям дал только трехдневный срок для отмены всех двусмысленных постановлений, наконец, послал в Вернон жандармов и несколько тысяч парижан с приказанием немедленно укротить кальвадосских инсургентов, наиболее близко подошедших к столице.

Великое дело конституции, на которую возлагалось столько надежд, тоже не было забыто, и восьми дней хватило на эту работу, которая, впрочем, была больше знаменем, нежели настоящим законодательным актом. Его редактировал Эро де Сешель. Согласно этому проекту каждый француз в двадцать один год становился гражданином и мог пользоваться своими политическими правами без всяких цензовых условий. Граждане избирали по одному депутату на каждые пятьдесят тысяч человек. Депутаты составляли собрание, но могли заседать лишь в течение одного года. Они издавали декреты обо всем, что касалось неотложных нужд государства, и декреты эти надлежало немедленно исполнять. Они сочиняли законы, и эти законы утверждались тогда только, когда первичные собрания не протестовали до истечения данного срока. Первичные собрания для новых выборов сходились сами собою, без предварительного созыва, первого мая. Эти собрания могли требовать особых конвентов для изменения какого-либо конституционного акта. Исполнительная власть вверялась двадцати четырем депутатам, по выбору особых избирателей; это были единственные выборы, производившиеся не непосредственно самим народом: первичные собрания назначали выборщиков, выборщики – кандидатов, а Законодательное собрание уже из этих кандидатов отделяло двадцать четыре человека. Они, в свою очередь, назначали военных начальников, министров, агентов всякого рода и брали их не из своей среды. Они обязаны были руководить ими, наблюдать за ними и несли за них постоянную ответственность. Из исполнительного совета каждый год выбывала половина.

Эта необыкновенно сжатая демократическая конституция, низводившая правительственный сан до простого кратковременного комиссариата, оставила, однако, нетронутой одну статью старых порядков – общины, не изменив ни их границ, ни их атрибутов. Выказанной ими энергией они приобрели право быть сохраненными на этой *tabula rasa*, на которой не удержался ни один след прошлого.

Проект был представлен 10 июня и утвержден 21-го, почти без прений, и в ту же самую минуту пушки возвестили об этом столице и со всех сторон раздались радостные крики. Документ был отпечатан во многих тысячах экземпляров для рассылки по всей Франции.

Читатели, верно, не забыли юного Варле, большого охотника ораторствовать на площадях; молодого лионца Леклерка, до такой степени неистового в своих речах у якобинцев, что даже сам Марат относился к нему с подозрением; наконец, Жака Ру, который с такой жестокостью обошелся с Людовиком XVI, когда несчастный государь хотел вручить ему свое духовное завещание. Все эти люди отличились во время последнего восстания и пользовались большим влиянием у кордельеров и в комитете епископского дворца. Им не понравилось, что в конституции нет ни слова о скупщиках хлеба. Они составили по этому поводу петицию, собрали к ней на улицах подписи и побежали возмущать кордельеров, говоря, что конституция не полна,

так как в ней нет ни одного положения против величайших врагов народа. Лежандр тщетно противился этому движению: его только обозвали умеренным, и петиция, одобренная обществом, была подана Конвенту.

Вся Гора пришла в негодование. Робеспьер и Колло д'Эрбуа вспыхнули, заставили Конвент отвергнуть петицию и сами отправились в Клуб якобинцев, чтобы растолковать всю опасность подобных злокозненных преувеличений, способных лишь ввести народ в заблуждение. «Конституция настолько популярна, как еще не бывало, – сказал Робеспьер, – она вышла из рук собрания некогда контрреволюционного, но ныне очищенного от людей, мешавших его действиям. Это собрание создало прекраснейший, популярнейший труд, когда-либо дарованный французам.

И вдруг какие-то люди, прикрываясь плащом патриотизма, хвастаясь, будто они больше нас любят народ, стравливают граждан всех сословий и хотят доказать, что конституция, должествующая быть для Франции новым знаменем, не годится! Не доверяйте этим козням, бойтесь этих людей, это бывшие священники в союзе с австрийцами! Берегитесь новой личины, которой аристократы теперь станут прикрываться! Я предвижу в будущем новое злодеяние; но мы его разоблачим, мы раздавим врагов народа, под какой бы личиной они ни явились!» Колло д'Эрбуа говорил с таким же увлечением; он уверял, что враги Республики хотят иметь возможность сказать департаментам: «Вы видите, Париж сочувствует речам Жака Ру!»

Единодушный восторг наградил обоих ораторов. Якобинцы, кичившиеся тем, будто с революционной страстностью умеют соединять политичность, а с энергией – осторожность, послали депутацию к кордельерам. Колло д'Эрбуа отправился с нею в качестве оратора. Он был встречен с почетом, подобавшим одному из знаменитейших членов Горы и Клуба якобинцев, и с заявлениями глубокого почтения. Петицию забрали назад, Жак Ру и Леклерк были исключены из общества, Варле получил прощение лишь из внимания к его юным летам, а Лежандру принесли извинения за не совсем приличные выражения, произнесенные на его счет в последнем заседании. Итак, конституция была без изменений разослана всей Франции для утверждения первичными собраниями.

Следовательно, Конвент подавал департаментам одной рукой конституцию, а другой – декрет, дававший им три дня сроку, чтобы отменить свои самовластные распоряжения. Конституция снимала с Горы всякое обвинение в узурпаторских стремлениях, доставляла предлог примкнуть к оправданной от подозрений власти, а декрет о трехдневном сроке не позволял тратить время на раздумья и принуждал покориться правительству.

Некоторые департаменты действительно смирились, но многие остались при своих намерениях. Впрочем, эти последние обменивались адресами, посылали друг другу депутации, словом, провоцировали одни других, чтобы начать действовать. Расстояния не позволяли сноситься быстро и составить одно целое. Кроме того, отсутствие революционного гения мешало найти средства, нужные для удачи. Как бы ни усердствовали массы, они никогда не бывают готовы к жертвам: надо, чтобы их принуждали к таковым страстные борцы. Чтобы поднять ленивых деревенских буржуа, двинуть их, заставить давать деньги, спешить, требовались энергичные, почти насильственные средства. Но жирондисты, осуждавшие у монтаньяров именно эти средства, не могли сами прибегать к ним. Бордосским торговцам казалось, что они совершили невесть какой подвиг, крупно поговорив в секциях; но ни один не вышел за городские стены. Марсельцы, имея характер несколько более живой, послали в Авиньон шесть тысяч человек, но они не сами составили эту маленькую армию, а наняли для этого людей. Лионцы выжидали соединения прованцев с лангедокцами; нормандцы как будто поостыли; одни бретонцы не изменили себе и сами заполнили отряды своей маленькой армии.

В Кане, главном центре восстания, царило большое волнение. Колонны, двинувшиеся из этого пункта, первыми должны были встретиться с войсками Конвента, и понятно, что это

первое столкновение было чрезвычайно важным. Бежавшие депутаты окружали Вимпфена, жаловались на его медлительность и начинали подозревать в нем роялиста. Наконец Вимпфен, которого торопили со всех сторон, приказал Пюизе вести свой авангард 13 июля в Вернон и объявил, что сам выступил со всеми своими силами. Действительно, 13-го числа Пюизе, двинувшись на Пасси, встретил парижских новобранцев, подкрепленных несколькими сотнями жандармов. Последовало несколько выстрелов с той и другой стороны. На следующий день федералисты заняли Пасси, и счастье слегка склонилось на их сторону. Но затем войска Конвента явились уже с пушками. После первого же залпа федералисты в беспорядке отступили до Эврё. Бретонцы, в силу большей своей стойкости, отступали стройными рядами, но всё же были увлечены остальными.

Это известие наполнило Кальвадос страхом, и администрации начали раскаиваться в своих неосмотрительных поступках. Как только весть об этом поражении дошла в Кайи, Вимпфен собрал депутатов, предложил им укрепиться в городе и упорно защищаться. Он даже стал понемногу высказываться откровеннее и дал им понять, что видит лишь одно средство поддерживать борьбу – записаться могущественным союзником, и что, если угодно, он им такого доставит. При этом генерал прозрачно намекнул на англичан и присовокупил, что считает республику невозможной, а возвращение к монархии в его глазах не станет большим несчастьем. Жирондисты энергически отвергли подобные предложения и высказали искреннейшее негодование. Некоторые из них начали тогда только сознавать свою неосторожность и поняли, как опасно поднимать какое бы то ни было отдельное знамя, так как все фракции тотчас же сбегаются к нему с целью уничтожить Республику. Однако они не потеряли надежду и стали помышлять об удалении в Бордо, где считали возможным вызвать движение в истинно республиканском духе и с большим успехом, нежели в Кальвадосе и Бретани.

Жирондисты вышли из Кана с бретонскими отрядами, возвращавшимися домой, намереваясь в Бресте сесть на корабль. Они оделись солдатами и смешались с рядовыми финистерского батальона. После поражения близ Вернона им приходилось скрываться, потому что все местные администрации, спеша покориться и стараясь всячески заявить Конвенту о своем усердии, скорее всего, арестовали бы их. Таким способом жирондисты прошли часть Нормандии и Бретани, среди постоянных опасностей и ужасных страданий, и спрятались в окрестностях Бреста, выжидая случая отправиться в Бордо. Барбару, Петион, Салль, Луве, Мельян, Гюаде, Кервелеган, Торса, Жире-Дюпре, сотрудник Бриссо, Марчена, молодой испанец, искавший свободы во Франции, и драматург Оноре Риуф, из чистого энтузиазма примкнувший к жирондистам, – вот имена этих достойных патриотов, гонимых как изменники, тогда как они вполне готовы были отдать жизнь за отечество и думали, что служат ему даже теперь, подвергая его опасности.

В Бретани, в западных департаментах и в департаментах верхнего бассейна Луары администрации поспешили смириться, чтобы не быть объявленными вне закона. Конституция послужила удобным к тому предлогом. Конвент, говорили везде, явно не намерен ни увековечивать себя, ни забирать власть, если дает конституцию такую простую, какой еще не видели. Тем временем муниципалитеты, в которые входили монтаньяры, и якобинские клубы обнаруживали удвоенную энергию, и честные приверженцы Жиронды уступали революции, против которой не в силах были бороться. Тулуза старалась оправдать себя. Бордосцы, действовавшие более определенно, не смирились формально, но отозвали свой авангард и перестали говорить о намерении идти на Париж. Еще два важных события прекратили опасности, грозившие западу и югу, – защита Нанта и поражение восставших в Лозерских горах.

Мы видели выше, что вандейцы, завладев Сомюром и течением Луары, могли бы совершить против Парижа попытку, которая, вероятно, удалась бы, так как Ла-Флеш и Ле-Ман не имели никаких средств к обороне. Молодой вождь Боншан, который один видел несколько далее Вандеи, хотел бы совершить набег на Бретань, чтобы приобрести хоть один опорный

пункт на океане, и тогда уже идти на Париж. Но у его товарищей не хватало военного гения, чтобы понять его. По их мнению, следовало идти прежде всего на Нант: это была для них настоящая столица, и дальше нее они не видели ничего. Впрочем, по некоторым соображениям, в самом деле следовало поступить таким образом: через Нант открывалось сообщение с морем, обеспечивалось обладание всем краем, и ничто не мешало вандейцам по взятии этого города пуститься на самые смелые предприятия. К тому же это не слишком удаляло солдат от дома — соображение весьма важное для поселян, которые не любили терять из виду колокольню своей деревни. Шаретт, прочно владея Нижней Вандеей, устроил ложную демонстрацию напротив Сабля, овладел Машкулем и оказался у ворот Нанта. Он никогда не договаривался с вождями Верхней Вандеи, но теперь предложил им прийти к соглашению. Шаретт обещал атаковать Нант с левого берега, пока главная армия атакует его с правой стороны, и казалось, что трудно не одержать победы при таком стечении средств.

Вандейцы очистили Сомюр, спустились к Анжеру и приготовились идти на Нант вдоль правого берега Луары. Армия их значительно уменьшилась, потому что многие поселяне не хотели пускаться в такую продолжительную экспедицию; однако она всё еще составляла приблизительно тридцать тысяч человек. Они избрали главнокомандующим извозчика Кателино, чтобы польстить поселянам и привязать их к себе сильнее. Лескюр, раненый, вынужден был остаться, чтобы устроить новый набор, держать войска в Ниоре на почтительном расстоянии и не дать помешать осаде.

Между тем комиссия представителей, заседавшая в Туре, просила у всех помощи и торопила Бирона, чтобы он скорее постарался нагнать вандейцев с тыла. Не довольствуясь отозванием Бирона, представители сами распорядились в его отсутствие и послали в Нант войска, которые им удалось набрать в Сомюре. Бирон тотчас ответил, что согласен на движение, исполненное без его приказа, но вынужден стеречь Ле-Сабль-д'Олон и Ла-Рошель, местности гораздо более важные, нежели Нант; что отряды департамента Жиронда, лучшие из всех, хотят уходить и надо их заменить другими; что если он только двинет армию с места, она разбежится и начнет грабить; что, стало быть, он может только, и то с трудом, отделить от нее три тысячи человек регулярного войска, а идти на Сомюр и вообще углубиться в бунтующую страну с такими ничтожными силами было бы безумием. В то же время Бирон написал Комитету общественной безопасности, что просит отставки, так как представители присваивают себе военное начальство. Комитет ответил, что генерал совершенно прав: представители могут посоветовать или предложить ту или другую операцию, но он один имеет право решить, какие меры принять для сохранения Нанта, Ла-Рошели и Ниора. Бирон, однако, приложил все усилия, чтобы составить себе хоть и небольшую, но более подвижную армию, с которой мог бы идти на помощь осажденному городу.

Вандейцы тем временем выступили из Анжера 27-го числа и 28-го уже были в виду Нанта. Они послали городу грозное требование сдаваться, на которое город не обратил никакого внимания, и приготовились к атаке. Атака должна была последовать с обоих берегов на следующий же день, в два часа утра. Канкло имел при себе всего пять тысяч человек регулярных войск и приблизительно столько же национальных гвардейцев, и с этими малыми силами ему приходилось занимать и защищать громадное пространство, пересекаемое несколькими рукавами Луары. Он сделал наилучшие по обстоятельствам распоряжения и своим воодушевлением придал большую бодрость гарнизону.

Шаретт начал атаку в условленный час, со стороны мостов. Но Кателино, который действовал на правом берегу и которому выпала самая трудная часть экспедиции, был остановлен постом, находившимся в Ниоре, где несколько сотен человек защищались самым героическим образом. Это промедление увеличило трудность атаки. Однако вандейцы рассыпались за изгородями и садами и наступали на город с весьма близкого расстояния. Канкло, и Бейссер, комендант крепости, везде поддерживали республиканские войска. Кателино, со своей

стороны, удвоил усилия и уже зашел далеко в одно из предместий, когда был смертельно ранен. Его люди в испуге отступили и унесли своего вождя на плечах. С этой минуты атака стала слабее. После восемнадцатичасового сражения вандейцы разошлись, крепость была спасена.

Все республиканские войска в этот день вели себя отлично. Национальная гвардия соперничала с линейными войсками, и сам мэр был ранен. На другой день вандейцы сели в лодки и уплыли. С этой минуты им уже более не представлялось случая провести крупную операцию; они едва могли надеяться удержаться в своем собственном крае. В это самое время генерал Бирон, спеша на помощь Нанту, пришел в Анжер со всеми войсками, какие мог собрать, а Вестерман приближался к Вандее со своим Германским легионом.

Итак, главная опасность с этой стороны миновала. Не менее важное событие совершалось в Лозерских горах – усмирение тридцати тысяч инсургентов, которые легко могли войти в сношения с вандейцами и даже с испанцами в Руссильоне.

По счастливейшей случайности депутат Фабр, посланный в армию Восточных Пиренеев, оказался на месте именно в момент восстания; он обнаружил здесь ту же энергию, которая побудила его впоследствии искать смерти в Пиренеях. Фабр собрал все ведомства и власти, вооружил всё население, призвал все войска, сколько их было в окрестностях, поднял Канталь, Верхнюю Луару и Пюи-де-Дом, и мятежники, преследуемые со всех сторон, были рассеяны и отброшены в леса, а предводитель их, бывший член Учредительного собрания Шаррье, попал в руки победителям. Благодаря бумагам, найденным при нем, выяснилось, что его план был связан с большим заговором, раскрытым за полгода перед тем в Бретани и не состоявшимся из-за смерти главы его, Армана де Ла Руэри. Этой победой обеспечивалось спокойствие в горах центральной и южной Франции и безопасность тыла Пиренейской армии, а долина Роны рисковала нападением возмущившихся монтаньяров уже только с одного бока.

Неожиданная победа над испанцами в Руссильоне довершила покорение юга. Мы уже видели выше, что испанцы, сначала двинувшись в долины Тека и Те, потом несколько попятнулись, чтобы взять Бельгард и Ле-Бен, а затем снова вернулись и стали перед французским лагерем. После долгого наблюдения они атаковали лагерь 17 июля. У французов было едва 12 тысяч солдат, все новички, у испанцев же насчитывалось от 15 до 16 тысяч старых опытных воинов. Желая оцепить французов, Рикардос слишком раздробил атаку. Молодые французские добровольцы, поддерживаемые генералом Барбантаном и храбрым Дагобером, твердо держались в своих укреплениях, и, приложив нечеловеческие усилия, испанцы, по-видимому, собрались отступить. Дагобер, выжидавший этой минуты, бросился на них, но один из его батальонов вдруг рассыпался, и пришлось вести его назад в беспорядке. К счастью, Барбантан и де Флер это увидели, поспешили на помощь и с такой силой бросились на неприятеля, что отбросили его далеко. Это сражение 17 июля значительно подбодрило французских солдат и заставило их поверить в свои силы.

Со стороны Альп Дюбуа-Крансе, поставленный между недовольной Савойей, колебавшейся Швейцарией, восставшими Греноблем и Лионом, действовал энергично, и счастье благоприятствовало ему. В то же время, когда секционные власти давали при нем федералистскую присягу, он брал противоположную присягу с клуба и своей армии и выжидал удобной минуты, чтобы начать действовать. В перехваченной переписке городских властей генерал нашел доказательство их стараний вступить в коалицию с Лионом. Тогда он прямо перед населением Гренобля обвинил власти в намерении подкопаться под Республику с помощью междоусобной войны и, пользуясь минутной вспышкой, добился того, что город сменил правительство и тотчас возвратил власть прежнему муниципалитету.

Вполне спокойный с этой минуты насчет Гренобля, Дюбуа-Крансе занялся преобразованием Альпийской армии, чтобы сохранить Савойю и наблюдать за исполнением декретов Конвента между Лионом и Марселем. Он переменил состав всех главных штабов, восстановил

порядок, разместил по полкам рекрутов, полученных от набора трехсот тысяч человек, и, хотя департаменты Лозер и Верхняя Луара использовали свой контингент для подавления восстания в горах, постарался восполнить этот пробел реквизициями. Приняв эти предварительные меры, Дюбуа-Крансе отправил генерала Карто с несколькими тысячами пехоты и легионом, набранным в Савойе и названным Аллоброгским¹, в Баланс, с приказом занять течение Роны и препятствовать соединению марсельцев с лионцами. Карто, выступив в первые дни июля, быстро прошел в Баланс, оттуда к Сент-Эспри, где побил отряд жителей Нима (одних разогнал, других взял к себе в армию) и завладел обоими берегами Роны. Тотчас вслед за этим он стал наступать на Авиньон, где незадолго до того расположились марсельцы.

Пока всё это происходило в Гренобле, Лион, продолжая заявлять о своей непоколебимой верности Республике и о намерении сохранить ее единство и нераздельность, все-таки не повиновался декрету Конвента, требовавшего перевода в Париж некоторых арестованных патриотов. Лионская комиссия и лионский главный штаб наполнялись тайными роялистами. Рамбо, председатель комиссии, и Преси, начальник департаментского войска, были втайне преданы делу эмигрантов. Введенные в заблуждение опасными наговорами, несчастные лионцы готовы были окончательно порвать с Конвентом, и конечно, на этот последний город, упорствовавший в непокорстве, обрушилась бы вся тяжесть кары, назначаемой побежденному федерализму. А лионцы, между тем, вооружались в Сент-Этьене, собирая дезертиров всякого рода, но всё еще стараясь не попадаться на открытом бунте: они пропускали обозы, посылаемые к границам, и освободили трех депутатов, арестованных соседними общинами.

Юра несколько успокоилась. Депутаты Бассаль и Гарнье, находившиеся там с полутора-тысячным войском, тогда как их окружали пятнадцать тысяч инсургентов, отвели свою незначительную армию и старались вступить в переговоры. Это им удалось, и непокорные администрации обещали принять конституцию и тем прекратить восстание.

Со 2 июня прошло около двух месяцев – наступил конец июля. Валансьен и Майнц всё еще находились в опасности, но Нормандия, Бретань и почти все западные департаменты смирились. Нант только что избавился от вандейцев, бордосцы не смели выйти из стен своего города, Лозер покорился, Пиренеи пока были защищены, Гренобль замирен, Марсель отрезан от Лиона удачной операцией Карто, а Лион, хоть и не повиновался декретам, но и не осмеливался объявить войну. Стало быть, авторитет Конвента был в провинциях почти восстановлен. С одной стороны, медлительность, отсутствие общего плана, полумеры, с другой – энергия Конвента, единство его могущества, его привычка повелевать, его политика, то мягкая, то крутая, были причиной торжества Горы над этим последним усилием жирондистов. Этому результату можно только радоваться, потому что в такую минуту, когда на Францию со всех сторон готовились нападения, повелевать были достойны, несомненно, сильнейшие. Побежденные федералисты сами произнесли себе приговор собственным изречением: «Честные люди никогда не умели быть энергичными».

Пока жирондисты повсеместно слабели, совершилось событие, возбудившее против них ужасную ярость.

В Кальвадосе жила в это время девушка двадцати пяти лет, красавица, характера твердого и независимого. Ее звали Шарлотта Корде д'Армон. Она была безукоризненно воспитана и образована, но ум ее был чрезвычайно деятелен и неспокоен. Чтобы жить свободнее, Шарлотта оставила родительский дом и переехала в Кан, к одной приятельнице. Отец ее когда-то писал политические статьи, в которых требовал уважения к привилегиям своей провинции. Шарлотта, подобно многим женщинам того времени, воспылала страстью к революции и, по примеру госпожи Ролан, была упоена представлением о республике, покорной законам, – неис-

---

¹ Аллоброги – большой кельтский народ, живший в Галлии, в северной части Дофине и Савойи. – *Прим. ред.*

тощимом роднике доблести и добродетелей. Ей казалось, что жирондисты стремятся осуществить ее мечту, а препятствуют этому монтаньяры, и она решилась отомстить за своих излюбленных ораторов.

В Кальвадосе начиналась война. Шарлотта подумала, что смерть главы анархистов, совпав с восстанием департаментов, может решить дело в пользу последних. Тогда она решилась посвятить спасению отечества свою жизнь, которую не наполняла любовь к мужу или детям. Она обманула отца, написав, что решила перебраться в Англию, так как во Франции с каждым днем становится страшнее жить. Перед своим отъездом в Париж Шарлотта пожелала встретиться в Кане с депутатами, к которым питала такую восторженную преданность. Предлогом могла послужить просьба, обращенная к Барбару, насчет рекомендательного письма к министру внутренних дел: Шарлотте нужно было хлопотать о бумагах одной своей приятельницы, бывшей канониссы. Барбару дал ей письмо к Дюперре, другу Тара. Его товарищи, которые тоже видели девушку и слышали, как она выражает свою ненависть к монтаньярам, были поражены ее красотой и умом, об истинных ее намерениях никто не подозревал.

Приехав в Париж, Шарлотта Корде не сразу решила, кого именно выбрать в качестве жертвы. Дантон и Робеспьер, если судить по их громкой славе, заслуживали ее выбора, но Марат казался провинциям опаснее всех, его считали главой анархистов. Шарлотта сначала хотела убить его среди друзей, на заседании Горы, но это оказалось невозможно, потому что Марат по состоянию здоровья не мог более являться в Конвент. Читатели, вероятно, помнят, что он добровольно отказался на время от должности; две недели спустя, однако, видя, что дело жирондистов еще не закрыто, Марат прекратил эту комедию и снова появился на своем месте. Но скоро жестокая болезнь – одна из тех, что во время революций нередко пресекают бурные жизни, пощаженные эшафотом, – принудила его снова удалиться и уже не выходить из дома.

Впрочем, и это еще не могло унять его всеохватной деятельности. Он проводил большую часть дня в ванне, с бумагой и перьями, редактировал свой листок, писал письма Конвенту. В последнем письме он грозил, что если оно не будет прочитано, он велит себя принести, больного, на кафедру и прочтет его сам. В этом письме Марат обвинял двух генералов, Кюстина и Бирона. «Кюстин, – писал он, – переведенный с Рейна на север, ведет себя точь-в-точь как Дюмурье: злословит насчет анархистов, составляет главные штабы согласно своей фантазии, некоторые батальоны вооружает, а другие разоружает и размещает их сообразно своим планам, без сомнения больше подходящим заговорщику. (Мы видели выше, что Кюстин воспользовался осадой Валансьена, чтобы преобразовать в Лагере Цезаря Северную армию.) Что же касается Бирона, то это старый придворный лакей. Он притворяется, будто ужасно боится англичан, чтобы оставаться в Нижней Вандее и не отнимать у неприятеля Верхней Вандеи. Он явно ждет только высадки, чтобы самому присоединиться к англичанам и выдать им нашу армию».

Война в Вандее, по словам Марата, должна была уже завершиться, ведь рассудительному человеку довольно раз поглядеть, как дерутся вандейцы, чтобы найти способ истребить их. Сам он, Марат, владеющий и военной наукой, изобрел безошибочный маневр и, если бы его здоровье было лучше, непременно отправился бы на берега Луары, чтобы самому привести план в исполнение. Надо арестовать обоих генералов и затем принять одну, последнюю, решительную меру, которая стала бы ответом всем клеветам и безвозвратно связала всех депутатов с Революцией: «умертвить всех пленных Бурбонов и оценить головы Бурбонов беглых. После этого, по крайней мере, одних не будут больше обвинять в стремлении возвести Орлеанов на престол, а другие лишатся возможности примириться с семейством Капетов».

Марат оставался верен себе: всё то же тщеславие, то же неистовство, та же готовность опередить народные опасения. Кюстину и Бирону действительно в скором времени предстояло сделаться предметами общей ярости, и все-таки честь инициативы и тут принадлежала Марату, больному, умиравшему!

Стало быть, Шарлотте Корде надо было идти к нему домой, чтобы добраться до него. Сначала она отдала письмо Дюперре, исполнила данное ей поручение и тогда уже занялась исключительно своим делом. Она спросила у извозчика адрес Марата, пошла к нему, но не была принята. Тогда она ему написала, что приехала из Кальвадоса и имеет сообщить ему важные новости. Этого было довольно. Тринадцатого июля она явилась в дом Марата в восемь часов вечера. Экономка, молодая женщина лет двадцати семи, с которой он жил как с женой, сомневалась, нужно ли ее принимать, но Марат, сидящий в ванне, услышал голос Шарлотты и велел впустить ее. Оставшись с ним наедине, девушка рассказала всё, что видела в Кане, слушала его, разглядывала, не решаясь еще нанести удар. Марат с жадностью расспрашивал о депутатах, находящихся в Кане, и с ее слов записывал их имена, присовокупляя:

– Хорошо, всех на гильотину...

– На гильотину!.. – в негодовании повторяла молодая девушка и в тот же миг, выхватив из-за лифа нож, вонзила его Марату под левую грудь, до самого сердца.

– Ко мне! – успел он крикнуть. – Ко мне, милый друг мой!

После убийства

Экономка прибежала; рассыльный, складывавший листки в другой комнате, тоже; они нашли Марата плавающим в своей крови, а Шарлотту – спокойной, с просветленным лицом, стоящей неподвижно. Рассыльный ударом стула свалил ее на пол, экономка топтала ее ногами. На шум сбежался народ; в одну минуту весь квартал поднялся на ноги. Шарлотта встала с пола и с достоинством вынесла все поругания и побои. Несколько членов секции, тоже привлеченные шумом, были так поражены ее красотой, мужеством и спокойствием, с которым она созналась в своем поступке, что не дали ее растерзать на месте и увели в тюрьму, где она продолжала с той же уверенностью подтверждать свою вину.

Это убийство, как и убийство Лепелетье, произвело необыкновенно сильное впечатление. Тотчас был пущен слух, что это жирондисты подослали убийцу. То же говорилось по поводу Лепелетье, то же всегда будет говорить во всех подобных случаях. Враги арестованных депутатов затруднялись отыскать явные признаки их преступлений: восстание департаментов послужило первым предлогом к гибели их в качестве соумышленников бежавших депутатов, а смерть Марата довершила меру их мнимых злодеяний и доставила недостающие причины к отправлению их на эшафот.

Монтаньяры, якобинцы, в особенности кордельеры, которые хвалились тем, что первыми могли назвать Марата своим, более других были с ним накоротке и никогда от него не отрекались, демонстрировали большое горе. Решено было похоронить Марата в Саду кордельеров, под теми самыми деревьями, под которыми он вечером читал свой листок народу. Конвент постановил в полном составе присутствовать на похоронах. Якобинцы предложили воздать

Марату посмертные почести, положить его в Пантеон, хотя по закону не позволялось класть туда покойника ранее двадцати лет по смерти. Еще было предложено всему городу участвовать в погребальном шествии; купить станки «Друга народа», чтобы они не попали в недостойные руки; поручить выпускать газету людям, хоть в чем-то напоминающим Марата энергией и бдительностью.

Шарлотта Корде

Робеспьер, которому хотелось придать своим якобинцам величавость, для чего он постоянно удерживал их порывы, и, кроме того, обратить на себя внимание, слишком поглощенное мучеником, сказал по этому случаю короткую речь: «Если я сегодня говорю, то потому, что имею на это право. Речь идет о кинжалах – они ждут меня, я заслужил их, и если Марат пал прежде меня, то только по милости случая. Поэтому я имею право вмешаться в этот спор и пользуюсь этим правом, чтобы выразить удивление: ваша энергия истощается в пустом декламаторстве, вы думаете только о суетных торжествах!.. Лучшее средство отомстить за Марата – немилосердно преследовать его врагов. Откажитесь от бесполезных разговоров и почтите память Марата более достойным его образом». Эти слова прекратили всякие споры, и никто более не думал о сделанных предложениях.

Всё же якобинцы, кордельеры, Конвент, все народные общества и секции приготовились воздать Марату великолепные почести. Тело было выставлено в продолжение нескольких дней, лежало открытое, так что рана была всем видна. Народные общества и секции процессиями приходили осыпать гроб цветами. Каждый президент при этом говорил речь. Секция Республики пришла первой. «Он скончался! – воскликнул президент. – Умер друг народа!.. Умер от руки убийцы!.. Не будем говорить похвальные слова над бездыханными останками. Похвальное слово ему – это его жизнь, его сочинения, его кровавая рана, его смерть, наконец!.. Гражданки! Сыпьте цветы на бледное тело Марата! Марат был нашим другом, другом народа, для народа жил он, для народа и умер!»

После этих слов молодые девушки обходят гроб и начинают бросать на тело цветы. Оратор продолжает: «Но довольно стенаний! Внемлите великому духу Марата; он пробуждается. “Республиканцы, – говорит он вам, – перестаньте лить слезы! Республиканцам подобает пролить не более одной слезы и затем думать о благе отечества. Не меня хотели убить, а Республику; не за меня должно мстить, а за Республику, за народ, за вас!”»

В то же время процесс Шарлотты Корде шел со всей быстротой революционных судебных форм. К делу были привлечены два депутата: Дюперре, который водил ее к министру внут-

ренных дел, и Фоше, бывший епископ, вызывавший подозрения за связи с правой стороной; какая-то женщина, помешанная или просто озлобленная до предела, уверяла, будто видела его на трибунах с подсудимой.

Перед судом спокойствие не изменяет Шарлотте. Ей читают обвинительный акт и тотчас приступают к допросу свидетелей, но она первого же свидетеля прерывает, не дав ему даже начать, словами:

– Это я убила Марата.

– Что вас побудило к этому? – спрашивает ее президент.

– Его злодеяния.

– Что вы разумеете под словом злодеяния?

– Бедствия, причиной которых он был с начала революции.

– Кто подбивал вас на это дело?

– Я одна, – гордо отвечает она. – Я никогда ни от кого не приняла бы совета в таком деле. Я хотела подарить мир и спокойствие моему отечеству.

– Но неужели вы думаете, что убили всех Маратов?

– Нет, я так не думаю, – печально признается девушка.

Потом она дает говорить свидетелям и после каждого показания только повторяет: «Это правда, свидетель прав». От одного Шарлотта отпирается – от сообщничества с жирондистами. Из свидетельских показаний она опровергает лишь показание женщины, замешавшей в дело Дюперре и Фоше. Потом она садится и выслушивает остальных с полнейшим спокойствием. «Вы видите, – вместо всякой защиты говорит адвокат Шово-Лагард, – подсудимая во всем сознается с непоколебимой твердостью. Это спокойствие, это самоотречение, в одном отношении возвышенно прекрасные, могут быть объяснены лишь самым экзальтированным политическим фанатизмом. Ваше дело рассмотреть, насколько это нравственное соображение может иметь вес в решениях правосудия».

Шарлотту Корде приговорили к смертной казни. На ее прекрасном лице не появилось признаков волнения. Она возвратилась в свою келью с тихой улыбкой на устах, написала отцу, прося его простить ей то, что она сама распорядилась своей жизнью, потом – Барбару, рассказав ему о своей поездке и своем поступке в прелестном письме, исполненном грации, ума и возвышенных мыслей. Она заметила в письме между прочим, что друзья не должны о ней жалеть потому, что тем, у кого живое воображение и теплое сердце, жизнь обещает мало хорошего, и присовокупила, что вполне отомстила за себя Петиюну, который в Кане усомнился было в ее политических убеждениях. Наконец, она попросила Барбару сказать Вимпфену, что она помогла одержать победу. Закончила Шарлота свое письмо словами: «Какой жалкий народ для республики! Надо основать хотя бы мир, а уж там образ правления устроится как-нибудь».

Арест Шарлотты

Пятнадцатого июля Шарлотта Корде встретила казнь всё с тем же невозмутимым спокойствием. Скромным и полным достоинства молчанием отвечала она на ругань низкой черни. Не все, однако, ругали ее; многие жалели эту девушку – молодую, красивую, бескорыстную – и провожали ее к эшафоту взорами, полными уважения и сострадания.

Тело Марата с большой торжественностью было перенесено в Сад кордельеров. «Эта торжественность, – гласил отчет коммуны, – ничем не была противна простоте и патриотизму». Народ, распределившийся по знаменам секций, мирно следовал за телом. Некоторый, так сказать, величественный беспорядок, почтительное молчание, общее уныние представляли трогательнейшее зрелище. Шествие продолжалось от шести часов вечера до полуночи; в нем участвовали граждане всех секций, члены Конвента, коммуны и департамента, избиратели и народные общества. По прибытии в Сад кордельеров тело Марата было положено под деревьями, листья которых, слегка колеблемые, отражали тихий и нежный свет. Народ в безмолвии окружал гроб. Президент Конвента первым сказал красноречивые слова, возвестив, что скоро придет время, когда за Марата будет отомщено, но что не должно необдуманными и опрометчивыми поступками навлекать на себя нарекания врагов отечества. Президент присовокупил, что свобода не может погибнуть и смерть Марата только упрочила ее. После нескольких речей, вызвавших дружные рукоплескания, тело было опущено в могилу. Слезы текли, и каждый удалился со страдающим сердцем.

Несколько обществ оспаривали друг у друга сердце Марата, но оно осталось у кордельеров. Его бюст появился везде рядом с бюстами Лепелетье и Брута и занял видное место во всех собраниях и публичных местах. Печати были сняты с его бумаг: у Марата нашлась одна пятифранковая ассигнация, и бедность его сделалась предметом новых восторгов. Его экономка, которую он, по словам Шометта, взял в жены в один прекрасный ясный день, перед лицом солнца, была признана его вдовою и стала получать содержание от казны.

Таков был конец этого человека, самой необыкновенной личности всей эпохи, столь плодотворной на особенные характеры. Оказавшись на поприще наук, он хотел низвергнуть все системы; заброшенный в политические смуты, он сразу возымел страшную мысль, которую каждая революция исполняет по мере того, как растут опасности, но в которой ни одна не признается никогда, – поголовное истребление своих противников. Марат, видя, что революция, хоть и не одобряет его советов, однако следует им, а люди, им обвиненные, теряют популярность и гибнут по его предсказанию, стал смотреть на себя как на величайшего государственного мужа новых времен. Обуреваемый непомерной гордостью и дерзостью, он до конца оставался кошмаром своих противников, да и друзья находили его страшным человеком, если не сказать больше. Смерть его была так же вне обыденного порядка, как и жизнь его, и случилась в ту самую минуту, когда вожди Республики, собиравшиеся сосредоточиться, чтобы составить правительство жестокое и мрачное, не могли долее уживаться с полупомешанным товарищем, смелым, безусловно преданным системе, но который расстраивал бы все их планы своими выходками.

Неспособный стать деятельным и увлекающим массы вождем, Марат был фанатиком революции, и когда потребовались уже не фанатизм, а энергия и выдержка, кинжал негодующей девушки весьма кстати сделал из него мученика и дал святого народу, который, наскучив своими прежними идеалами, ощущал потребность создавать новые.

Глава XXV

Комитет общественной безопасности и коммуна – Политика Робеспьера – Осада и взятие Майнца – Взятие Валансьена – Опасное положение Республики в августе 1793 года – Состояние финансов

Из пресловутого триумvirата остались только Робеспьер и Дантон. Чтобы составить понятие об их влиянии, нужно посмотреть, как распределилась власть и каким путем пошли умы после устранения правой стороны.

В самый день учреждения Конвент, в сущности, получил полную законодательную и исполнительную власть, однако не захотел явно удерживать ее всю, чтобы избежать деспотичного облика, и депутаты оставили призрак исполнительной власти, сохранив министров. Поскольку энергия их не соответствовала обстоятельствам, Конвент 10 апреля учредил Комитет общественного спасения, который мог остановить на время исполнение министерских приказов или дополнять их и заменять иными, когда находил недостаточными. Он же составлял инструкции депутатам, посылаемым в командировки, и один мог с ними переписываться. Поставленный таким образом выше министров и представителей, которые сами стояли выше всех должностных лиц, Комитет сосредоточил в своих руках всю правительственную власть. Хотя в теории власть эта ограничивалась контролем, в действительности она равнялась самодержавию: ведь глава государства никогда ничего сам не исполняет, а только за всем надзирает, выбирает агентов, руководит операциями.

Итак, комитет распоряжался военными операциями, заказывал провиант и припасы всякого рода, постановлял меры безопасности, назначал генералов и агентов всех родов, а трепещущие министры рады были снять с себя всякую ответственность, нисходя до простых приказчиков. Вот имена членов Комитета общественного спасения: Барер, Дельма, Бреар, Камбон, Робер Ленде, Дантон, Гитон де Морво, Матье и Рамель. Они были признаны людьми толковыми и трудолюбивыми и хотя подлежали подозрению в некоторой умеренности, но не до такой степени, чтобы прослыть, подобно жирондистам, сообщниками иноземцев.

В непродолжительное время эти депутаты забрали в свои руки все государственные дела, и хотя они были назначены всего на один месяц, Конвент не захотел прерывать их трудов и продлевал полномочия – с 10 мая до 10 июня, потом до 10 июля. Под надзором этого комитета Комитет общественной безопасности заведовал высшей полицией – дело первостепенной важности в смутные времена, но и в исполнении этих обязанностей зависел от Комитета общественного спасения, который, ведая вообще всем, касавшимся блага государства, был обязан раскрывать также и заговоры против Республики.

Стало быть, Конвенту через право издавать декреты принадлежала верховная воля, а через представителей и комитеты – исполнительная часть, так что, даже не желая совмещать в себе все власти, он был неодолимо к этому приведен обстоятельствами и необходимостью заставлять своих собственных депутатов делать то, что, по его мнению, дурно исполнялось другими агентами.

Впрочем, крупные вопросы социального устройства разрешались конституцией, учреждавшей чистую демократию. Вопрос о том, должны ли применяться крайние революционные меры, хотя бы и ради спасения, был разрешен событиями 31 мая. Об устройстве государства и о политической нравственности рассуждать больше не имело смысла. Оставалось только рассматривать меры административные, финансовые и военные. Предметы же этого рода редко могут быть понятны многочисленным собраниям, а предоставляются власти специалистов.

Конвент охотно полагался во всех этих делах на свои комитеты, не сомневаясь ни в их честности, ни в знаниях, ни в усердии. Депутатам, таким образом, приходилось молчать;

последний переворот отнял у них не только охоту, но и повод для прений. Конвент сделался чем-то вроде государственного совета, которому комитеты сдавали отчеты, неизменно одобряемые, и предлагали декреты, неизменно принимаемые. Заседания, ныне скучные и безмолвные, не продолжались, как бывало прежде, целые дни и ночи.

Робеспьер

Коммуна занималась муниципалитетами и устроила в них радикальные перестановки. С 31 мая не помышляя более о заговорах и о том, чтобы использовать против Конвента местные силы, коммуна занималась городской полицией, продовольствием, рынками, церковными обрядами, театрами, даже публичными женщинами и по всем этим, так сказать, интимным домашним вопросам издавала постановления, делавшиеся образцами для всей Франции. Шометт, генерал-прокурор коммуны, был главным докладчиком этого муниципального органа, и народ всегда охотно, сопровождая рукоплесканиями, слушал его доклады. Этот законодатель рынков и площадей, однако, с каждым днем делался назойливее и несноснее, потому что постоянно искал новый материал для своей деятельности и всё нахальнее забирался в частную жизнь. Паш, всегда неподвижный, невозмутимый, предоставлял полную возможность делать что угодно перед его глазами, утверждал все принимаемые меры и предоставлял Шометту всю честь и славу муниципальной кафедры.

Конвент не стеснял свободы действий своих комитетов, а коммуна была поглощена исключительно своими атрибутами, так что о правительственных предметах рассуждали одни якобинцы. С обычной дерзостью они обсуждали все действия правительства и каждого из его агентов. Они давно уже приобрели влияние своей численностью, известностью, высоким положением большинства своих сторонников, огромным числом филиалов, наконец, своим старшинством и долгим влиянием на Республику. Но с 31 мая, после того как якобинцы заставили замолчать правую сторону собрания, они взяли почти безграничную власть над общественным мнением и получили право голоса, от которого Конвент фактически отказался. Они преследовали комитеты неустанным надзором, разбирали их действия точно так же, как действия представителей, министров, генералов – со свойственными им яростными нападками на личности. Эта цензура, неумолимая, часто гнусная, была все-таки полезна благодаря страху, который наводила, принуждая каждого преданно и честно заниматься своим делом.

Другие народные общества тоже имели влияние и большую свободу, однако подчинялись авторитету якобинцев. Кордельеры, например, более буйные, более решительные, признавали за якобинцами превосходство разума и слушались их советов, когда случалось зайти слиш-

ком далеко в революционном усердии. Петиция Жака Ру против конституции, взятая назад по желанию якобинцев, служит доказательством этого уважения.

Так распределились власть и влияние после 31 мая: правительствующий комитет, коммуна, поглощенная муниципальными делами, и якобинцы с их непрерывной строгой цензурой.

Два месяца, конечно, прошли не без жестоких нападок общественного мнения на правительство. Умы не могли остановиться на 31 мая. Требования их должны были пойти далее, нуждаться во всё большей энергии правительства, большей быстроте, больших результатах. Во время общего преобразования комитетов, потребованном 2 июня, Комитет общественного спасения был пощажен, потому что его составляли люди работающие, чуждые всех партий, занятые трудами, которые опасно было бы прервать. Но им не забыли того, что они колебались 31 мая и 2 июня, хотели вступить в переговоры с департаментами и послать туда заложников, и не замедлили назвать их недостаточно твердыми. Забывая, что этот комитет был учрежден в самую трудную минуту, неудачи, бывшие следствием общего положения, вменялись ему в вину. Не понимая, что он – центр всех операций, а следовательно, завален делами, комитет обвиняли в возне с бумагами, в поглощенности мелочами, словом, в рутинности и неспособности.

А между тем комитет, начав свою деятельность в минуту отступничества Дюмурье, когда все армии были в полном расстройстве, Вандея поднималась, а Испания начинала войну, заново организовал Северную и Рейнскую армии, создал Пиренейскую и Вандейскую, не существовавшие вовсе, и снабдил сто двадцать шесть крепостей всем необходимым. И хотя оставалось еще много дел, чтобы поставить французские военные силы на должный уровень, не шуткой было выполнить такие работы в такое короткое время и при всех препятствиях, возникших вследствие департаментских восстаний. Но общество было недоверчиво, ему всего было мало, люди постепенно требовали больше того, что могло быть сделано, и этим самым вызывали к жизни непомерную, соответственную опасности энергию. Чтобы освежить комитет и придать ему новых сил, в его состав включили еще трех членов – Сен-Жюста, Жанбона Сент-Андре и Кутона. Но общественное мнение и этим не удовлетворялось: люди говорили, что новые участники, конечно, превосходны, но влияние их парализуется остальными.

Не менее строго общественное мнение относилось к министрам. Министр внутренних дел Тара, сначала пользовавшийся некоторым расположением за нейтральную позицию между жирондистами и якобинцами, со 2 июня оказался в одном ряду с умеренными. Получив приказ написать статью для истолкования департаментам последних событий в надлежащем свете, он сочинил длиннейшую диссертацию, в которой всё уравнивал и объяснял с беспристрастием, конечно, вполне достойным философа, но вовсе не подходившим настроению данной минуты. Робеспьер, которому Тара зачитал эту чересчур мудрую статью, забраковал ее. Якобинцы скоро об этом узнали и бранили министра за то, что он не противодействует яду, распространённому Роланом.

То же самое произошло и с морским министром д'Альбарадом: он обвинялся в том, что удержал в главных штабах аристократов. Многих он действительно оставил, и тулонские события в скором времени это доказали; но решить эту проблему было гораздо труднее в морских, нежели в сухопутных армиях, потому что специальные знания, которых требует морское дело, не позволяли так скоро заменить старых офицеров новыми: из поселянина нельзя в полгода сделать хорошего морского офицера или генерала. Военный министр Бушотт один остался в милости, и то потому, что, по примеру своего предшественника Паша, напустил якобинцев и кордельеров в свое ведомство, чтобы унять их подозрительность.

Почти все генералы в чем-нибудь обвинялись, особенно дворяне; но двое из них сделались настоящим пугалом: Ктостин и Бирон. Марат, как мы видели, принялся за них за

несколько дней до смерти, и с тех пор каждый спрашивал себя: почему Ктостин остается в Лагере Цезаря и не снимает блокаду Валансьена и отчего Бирон сидит без дела в Нижней Вандее, позволил взять Сомюр и осадить Нант?

Везде господствовало недоверие. Клевета носилась над всеми головами и губила лучших патриотов. Так как уже не существовало правой стороны, на которую можно бы валить всё, не было более Ролана, Бриссо, Гюаде, которых можно было при каждом новом опасении обвинить в измене, то общественное мнение набрасывалось на самых отъявленных патриотов. Невероятно, до чего доходила страсть к обвинениям и доносам. Самая продолжительная, неукоснительная революционная деятельность уже не служила порукой человеку, и он мог в один день, в один час попасть на одну доску с величайшими врагами Республики. Воображение не могло слишком скоро разочароваться, например, в Дантоне, смелость и красноречие которого всех ободряли и поддерживали; но Дантон вносил в революцию страстную любовь к цели, без ненависти к личностям – а этого было мало. Дух всякой революции двояк; он состоит из страстной любви к цели и такой же ненависти к лицам, составляющим препятствие к достижению этой цели; в Дантоне же жило лишь одно из этих двух чувств. Когда речь шла о революционных мерах, направленных против богачей, или на то, чтобы сдвинуть с места равнодушных, он ничего не щадил и придумывал самые смелые средства; но к людям он относился мягко и терпимо, видя во всех не врагов, а различные характеры и умы, людей, которых нужно либо убедить, либо принять с той энергией, какая у них есть. Так Дантон видел в Дюмурье не предателя, а только человека недовольного и выведенного из терпения, в жирондистах – не сообщников Питта, а честных, но неспособных людей, и хотел бы устранить их, не губя. Говорили даже, что он лично оскорбился распоряжением Анрио не выпускать Конвент 2 июня. Он жал руку генералам из дворян, обедал с подрядчиками, приятельски разговаривал с людьми всех партий, искал удовольствий и немало повеселился в революцию.

Всё это было известно, и о его энергии и честности распускались весьма двусмысленные слухи. Толковали о том, что Дантон больше не бывает в Клубе якобинцев, о его лени и развлечениях; говорили, что революционная карьера не лишена для него приятности. Иногда появлялись жалобы на лиц, рекомендованных им министрам. Не всегда смея нападать на него самого, иные нападали на его друзей. Мясник Лежандр, товарищ его по парижской депутации, наместник на улицах и в предместьях, подражатель его грубого, дикого красноречия, был обозван Эбером и другими кордельерами умеренным. «Я – умеренный! – восклицал по этому поводу Лежандр у якобинцев. – И это когда я иногда сам себя упрекаю в преувеличении! Когда из Бордо пишут, что я до полусмерти избил Гюаде, когда во всех газетах говорят, что я схватил Ланжюине за ворот и волочил по мостовой!»

В умеренные попал еще один приятель Дантона, тоже известный и испытанный патриот, Камилл Демулен – самый наивный, забавный и в то же время красноречивый писатель Революции. Камилл был коротко знаком с генералом Дильоном, тем самым, который по поручению Дюмурье занимал проход Лез-Ислет в Аргонском лесу и выказал столько храбрости и твердости. Камилл сам лично убедился, что Дильон – добрый солдат, без всяких политических убеждений, но одаренный большим военным талантом и готовый служить Республике. Вдруг, вследствие всё того же повального недоверия, распустили слух, будто Дильон собирается стать во главе заговора, имевшего целью посадить Людовика XVII на отцовский престол. Комитет общественного спасения тотчас же арестовал его. Камилл пытался защитить Дильона перед Конвентом. На это ему со всех сторон заявили:

– Вы обедаете с аристократами.

Бийо-Варенн оборвал его на полуслове.

– Не давайте Демулену позорить себя! – воскликнул он.

– Мне не дают говорить, – возразил Камилл, – хорошо: у меня есть чернильница!

И он написал брошюру под названием «Письмо к Дильону», исполненную ума и изящества, в которой досталось всем. Комитету общественного спасения он писал: «Вы присвоили себе все власти, прибрали все дела и ни одного не заканчиваете. Вас было трое по военной части: один в отсутствии, другой болен, третий ничего не смыслит; вы оставляете во главе наших армий таких людей, как Кюстин, Бирон, Мену, Бертье – или аристократов, или лафайетистов, или неспособных». Камбону он заявил: «Я ничего не понимаю в твоей финансовой системе, только твоя бумага уж очень похожа на бумагу Ло и так же быстро переходит из рук в руки»; Бийо-Варенну: «Ты зол на Артура Дильона за то, что, когда ты был комиссаром при его армии, он повел тебя в огонь»; Сен-Жюсту: «Ты слишком много о себе думаешь и носишь свою голову, точно святыню»; Бреару, Дельма, Бареру и другим: «Вы хотели подать в отставку 2 июня, потому что не могли хладнокровно смотреть на эту революцию, она казалась вам ужасной».

Демулен присовокупил, что Дильон не республиканец, не федералист, не аристократ, а просто солдат и хочет одного – служить; что патриотизмом он не уступит Комитету общественного спасения и всем главным штабам; что он по крайней мере большой знаток своего дела и таких сохранить хоть несколько – большое счастье, и не следует воображать, будто каждый сержант может быть генералом. «С тех пор, – писал Демулен, – как безвестный офицер Дюмурье победил, сам не зная как, при Жемапе и овладел Бельгией и Бредой, удачи Республики повергли нас в такое же опьянение, в какое пришел Людовик XIV: он набирал своих полководцев в собственном дворце, а мы думаем, что можем набрать своих с улицы; мы даже дошли до того, что говорили, будто у нас три миллиона генералов!»

Эти речи, эти перекрестные нападки показывают, что в Горе господствовало смятение. Так обыкновенно бывает с партией, только что одержавшей победу, готовой расщепиться, но с не отделившимися еще фракциями. В победоносной партии еще не образовалось партии новой. Обвинение в умеренности или преувеличении носилось над всеми головами. Среди этого хаоса одно только имя оставалось недоступно никаким нападкам – имя Робеспьера. Уж он-то никогда не грешил снисходительностью к людям, не любил ни одного изгнанника, не водился ни с одним генералом, финансистом или депутатом. Его нельзя было обвинить в том, что он повеселился в революцию: он жил самым замкнутым образом у столяра, с одной из дочерей которого у него была, говорят, любовная связь. Строгий, сдержанный, незапятнанный, он был неподкупен – и все считали его таковым. Можно было упрекнуть Робеспьера лишь в гордости. Этот порок, конечно, не марает подобно разврату, но в години гражданских раздоров причиняет большие бедствия и особенно страшен у людей строгого образа жизни, религиозных или политических фанатиков, потому что это их единственная страсть: они удовлетворяют ее без милосердия и ничем от нее не отвлекаются.

Один Робеспьер еще мог подавить в народе революционное нетерпение, не подвергаясь за это обвинению в связях с неблагонамеренными из-за своих выгод или удовольствий. Когда он против чего-нибудь восставал, это приписывалось одним внушениям разума. Он сознавал недостижимость своего положения и впервые начал сочинять себе систему. До тех пор он весь принадлежал своей ненависти и думал только о том, чтобы толкать революцию против жирондистов. Теперь же, усматривая в новом взрыве опасность для патриотов, Робеспьер подумал, что нужно сохранить уважение к Конвенту и Комитету общественного спасения, потому что вся власть пребывала у них и не могла перейти в другие руки без ужасного переворота. Впервые, он сам был членом Конвента, его не могло миновать назначение и в комитет в самом непродолжительном времени, так что, защищая их, он защищал в то же время свою собственную власть.

Так как каждое мнение сначала слагалось у якобинцев, то Робеспьер решил приобрести у них еще больше влияния, сгруппировать их вокруг Конвента и комитета, оставляя себе возможность впоследствии, если бы ему заблагорассудилось, натравить клуб на комитет. Бывая

постоянно в одном этом клубе, он льстил ему этим; в Конвенте он говорил редко, потому что, как мы уже сказали, там почти никто больше не говорил, а у якобинцев часто выходил к кафедре и не пропускал ни одного важного предложения, чтобы не обсудить его, изменить или отвергнуть.

Действуя таким образом, Робеспьер всё рассчитал гораздо вернее Дантона. Ничто так не оскорбляет людей и не благоприятствует двусмысленным слухам, как отсутствие человека. Дантон, с пренебрежением, свойственным страстному и пылкому характеру, слишком редко бывал у якобинцев, а когда появлялся, ему приходилось оправдываться, уверять, что он всегда будет добрым патриотом, объяснять, что если он иногда и действует с некоторой осторожностью, чтобы повернуть к правому делу людей, не сильных умом, но превосходных, однако пусть все будут уверены, что его энергия от этого не уменьшилась, что он с тем же усердием радеет об интересах Республики и она непременно одержит окончательную победу. Напрасные и опасные извинения! Как только человек пускается в объяснения, начинает оправдываться, он попадает в подчиненное положение относительно тех, с кем говорит. Робеспьер, напротив, всегда присутствовавший, всегда готовый отстранить всякие инсинуации, никогда не бывал доведен до необходимости оправдываться; он, напротив, принимал тон обвинительный, журил своих верных якобинцев и мастерски привел как раз к тому положению, когда человек, обожание которого вполне распространено, только усиливает его маленькими строгостями.

Мы видели выше, как он остановил Жака Ру, предложившего петицию против конституции; так же точно он поступал во всех случаях, когда дело касалось Конвента. Собрание, говорил Робеспьер, вполне очищено и не заслуживает ничего, кроме уважения, и каждый, кто нападает на него, – дурной гражданин. Комитет общественного спасения, конечно, сделал не всё, что следовало сделать (Робеспьер никогда не забывал покритиковать и тех, кого защищал), но он находится на наилучшей дороге; нападать на него – значит уничтожить необходимый центр власти, ослабить энергию правительства, скомпрометировать судьбу Республики. Когда якобинцы начинали обращаться к комитету или Конвенту со слишком частыми петициями, Робеспьер этого не допускал, говорил, что это дурные люди хотят злоупотребить для своих видов влиянием якобинцев и заставить власти терять драгоценное время. Однажды кто-то предложил сделать заседания комитета публичными; Робеспьер рассердился и начал доказывать, что иноземцы платят заговорщикам во Франции: и преувеличенным, старавшимся всё довести до беспорядков, и умеренным, стремившимся всё парализовать излишней мягкостью.

В Комитете общественного спасения был трижды назначен перерыв. Десятого июля следовало или продлить перерыв, или заново составить комитет. Восьмого числа у якобинцев состоялось торжественное заседание. Все говорили, что нужно изменить состав комитета и не отсрочивать его, как это было сделано уже три раза.

– Комитет, – говорит Бурдон, – бесспорно имеет наилучшие намерения, я не хочу его винить, но человеческому роду присуще несчастье проявлять энергию только в продолжение нескольких дней. Нынешние члены комитета уже перешли этот период; переменим их. Нам ныне нужны революционеры, люди, которым мы могли бы вверить судьбу Республики, которые отвечали бы нам за нее головою.

После Бурдона говорит горячий Шабо:

– Комитет должен быть обновлен; новой отсрочки терпеть не следует. Прибавить к нему еще нескольких патриотов – недостаточно; это видно из того, что уже случилось: Кутон, Сен-Жюст и Жанбон Сент-Андре исключены своими же товарищами. Не следует также обновлять комитет посредством тайной баллотировки, потому что тогда новый комитет будет не лучше старого. Я сам слышал, как Матье вел самые антигражданственные речи в обществе женщин-революционерок. Рамель писал в Тулузу, что землевладельцы одни могут спасти общее дело и не следует давать оружия санкюлотам. Камбон – какой-то сумасшедший, который видит

все предметы в преувеличенном виде и пугается из-за каждого нового поворота. Гитон де Морво – честный человек, но квакер, вечно трепещущий. Дельма, заведующий назначениями, всё время выбирал неподходящих людей и наполнил армию контрреволюционерами. Наконец, комитет держал сторону Лебрена и враждебен Бушотту.

Робеспьер спешит ответить Шабо:

– Каждая фраза, каждое слово речи Шабо дышит чистейшим патриотизмом, но патриотизмом, по моему мнению, слишком экзальтированным, который негодует, что не всё идет согласно его желаниям, и раздражается тем, что комитет не достиг в своих действиях невозможного. Верю, комитет не состоит из людей равно просвещенных, равно добродетельных, но где найдет он собрание, составленное таким образом? Возможно ли, чтобы люди не были подвержены заблуждению? И не видел ли он, как Конвент, изрыгнув из своих недр бесчестивших его предателей, проявил новую энергию, величие, чуждое ему дотоле, более возвышенный характер? Не доказывает ли этот пример, что не всегда необходимо разрушать и иногда бывает благоразумнее ограничиваться реформами? Да, бесспорно: в Комитете общественного спасения есть люди, способные заново завести машину и придать новую силу всему обществу. Нужно только поощрить их к этому. Кто согласится забыть услуги, оказанные этим комитетом общему делу, разоблаченные им многочисленные заговоры, счастливые мысли, которыми мы ему обязаны, мудрые и глубокие взгляды, которые он сам развил?

Собрание создало Комитет общественного спасения не за тем, чтобы он влиял на него или руководил его декретами; но комитет помог ему разобраться, что было действительно хорошо в предлагаемых мерах, а что, представленное под заманчивой формой, могло повлечь за собой опасные последствия. Комитет дал первый толчок нескольким важным постановлениям, которые, быть может, спасли отечество; он избавил собрание от кропотливой, нередко бесплодной работы, прямо представляя ему результаты своего труда.

Всё это достаточно доказывает, что Комитет общественного спасения не так уж мало сделал, как теперь хотели бы нас уверить. Он совершал и ошибки, мне ли их скрашивать? Мне ли склоняться к снисходительности, когда я думаю, что для отечества сделано недостаточно, пока сделано не всё? Но было бы неправильно в настоящую минуту обращать немилость народа на комитет, который нуждается в полном его доверии, от которого отечество ждет большой помощи.

Соображения Робеспьера положили конец спору. На третий день комитет был обновлен в числе девяти членов, как первоначально и был задуман. Его составили: Барер, Жанбон Сент-Андре, Гаспарен, Кутон, Эро де Сешель, Сен-Жюст, Тюрио, Робер Ленде, Приёр из Марны. Все члены, обвиняемые в слабости, были уволены, кроме Барера: ему простили прошлое ради необыкновенной легкости, с которой он составлял отчеты и применялся к обстоятельствам. Робеспьер пока не попал в комитет, но еще несколько дней, еще больше опасности и больше террора в Конвенте – и ему открывалось в нем место.

Так, например, морское ведомство начинало беспокоить правительство; беспрестанно приходили жалобы на министра д'Альбарада, на его предшественника Монжа, на плачевное положение эскадр, которые, возвратившись из Сардинии в тулонские доки, не ремонтировались и которыми командовали старые офицеры, почти все аристократы. Жаловались даже на нескольких лиц, совсем недавно причисленных к морскому ведомству. Между прочими жестоким обвинениям подвергался некто Пейрон, посланный в Тулон преобразовывать армию. Говорили, что он не сделал того, что должен был сделать; сваливали ответственность на министра, а министр – на «одного великого патриота», рекомендовавшего ему Пейрона. С аффектацией выставляли этого «знаменитого патриота», не смея, впрочем, назвать его.

– Имя! – требовали сразу несколько голосов.

– Ну так я скажу вам, – объявил доносчик, – этот знаменитый патриот – Дантон!

Эти слова вызвали сильный ропот.

– Я требую, – заявил Робеспьер, – чтобы закончился фарс и началось заседание! Обвиняют д’Альбарада; я его знаю только по отзывам общественного мнения, которое называет его министром-патриотом; а в чем его обвиняют здесь? В ошибке. Кто не ошибается? Один сделанный им выбор не соответствовал общим ожиданиям! Бушотт и Паш тоже не раз делали неудовлетворительные назначения, и однако оба они – истинные республиканцы, искренние друзья отечества. Человек занимает видную должность – этого довольно, чтобы на него клеветали. Когда же, наконец, перестанем мы верить нелепым или коварным сказкам, которыми нас забрасывают со всех сторон! Я заметил, что к этому обвинению министра, сделанному в довольно общих выражениях, присоединено особое обвинение против Дантона. Уж не его ли хотят представить вам подозрительным? Но если бы вместо того, чтобы запугивать патриотов, тщательно выискивая в их деятельности преступления там, где едва имеется незначительная ошибка, мы занимались средствами облегчить им эту деятельность, сделать труд их менее тяжелым, это было бы честнее и полезнее для отечества. Пора наконец прекратить эти нелепые и прискорбные выходки; я бы желал, чтобы общество якобинцев довольствовалось обсуждением предметов, которыми могло бы заняться с пользой; чтобы оно сократило несметное число вопросов, поднимаемых в его среде; вопросов по большей части столь же пустых, сколь и опасных.

Таким образом, Робеспьер, видя, какой опасностью грозила бы новая буря, старался всеми силами привязать якобинцев к Конвенту, комитетам и старым патриотам. Для него в этой похвальной и полезной политике была одна выгода. Подготавливая власть комитетов, он готовил свою собственную, защищая патриотов, он выгораживал себя и не давал общественному мнению выбирать себе жертвы из людей, стоявших близко к нему; он гораздо ниже себя ставил тех, кого брал под свое покровительство; наконец, вследствие самой своей строгости, он становился кумиром якобинцев и приобретал славу высокого мудреца. Поступая так, Робеспьер имел не больше честолюбивых целей, нежели прочие революционные вожди, но эта политика, всех других лишившая популярности, для него не имела того же результата, потому что революция уже близилась к своей крайней черте.

Арестованные депутаты были отданы под суд тотчас после смерти Марата, и подготовка процесса шла полным ходом. Поговаривали уже о том, что нужно лишить головы оставшихся в живых Бурбонов, хотя речь шла о двух женщинах – вдове и сестре последнего короля – и герцоге Орлеанском, который верно служил революции, а теперь содержался в Марселе в качестве пленника, по-видимому, в благодарность за свою службу.

Было решено отметить принятие конституции большим празднеством. От всех первичных собраний должны были приехать делегаты и, принося свои пожелания, собраться на поле Федерации для торжественной церемонии. Днем праздника назначалось уже не 14 июля, а 10 августа, потому что взятие Тюильри повлекло за собой образование Республики, тогда как взятие Бастилии убило только феодализм, не уничтожив монархии. Вследствие этого различия установилось различие между республиканцами и конституционными роялистами: первые праздновали 10 августа, а вторые – 14 июля.

Федерализм умирал, и конституция принималась везде. Бордо всё еще соблюдал величайшую сдержанность, ни одним решительным актом не заявлял ни о покорности, ни о враждебности, но принял конституцию. Лион продолжал рассматривать дела, начатые в Революционном трибунале, но ослушался только по этому пункту, а по всем прочим покорился и тоже принял конституцию. Марсель упорствовал. Но его маленькая армия, уже отделенная от лангедокской, в последних числах июля была изгнана из Авиньона, и ей пришлось перейти обратно реку Дюране. Таким образом, федерализм везде терпел поражение, а конституция торжествовала. Но опасность усиливалась на границах, особенно в Вандее, на Рейне и на севере.

Вандейцы вознаграждали себя за неудачу у Нанта новыми победами, а на Валансьен и Майнц неприятель напирал сильнее прежнего.

Мы прервали наш рассказ о военных событиях на той минуте, когда вандейцы, отбитые перед Нантом, вернулись восвояси и Бирон, прибыв в Анжер после избавления Нанта, составил с генералом Канкло план кампании. В это время Вестерман пришел в Ньор с Германским легионом и выпросил у Бирона разрешение углубиться в бунтовавшие провинции. Вестерман был тем самым эльзасцем, который отличился 10 августа и принес победу, потом блистательно служил под началом Дюмурье, сблизился с ним и Дантоном и, наконец, удостоился доноса от Марата, которого он, говорят, поколотил за нанесенные оскорбления. Он был из числа тех патриотов, за которыми признавали большие заслуги, но которых начинали упрекать за удовольствия, находимые ими во время революции, а главное, не жаловали на то, что они требовали от войск дисциплины, а от офицеров – знаний, не соглашались увольнять каждого генерала из дворян и не обзывали изменником каждого генерала, потерпевшего поражение.

Вестерман составил свой Германский легион из 4–5 тысяч человек. Во главе этой маленькой армии, которую он держал под полным контролем, учредив в ней строгую дисциплину, Вестерман выказал замечательную отвагу и совершил блестящие подвиги. Переведенный в Вандею со своим легионом, он его заново организовал и выгнал подлецов, донесших на него. Он питал нисколько не скрываемое презрение к безобразным полчищам, которые грабили и опустошали край, громко высказывал те же мысли, что и Бирон, и вместе с ним причислялся к аристократам.

Военный министр Бушотт еще до их прибытия, как мы видели выше, разослал своих якобинских и кордельерских агентов по всей Вандее. Там они соперничали с народными представителями, разрешали грабежи и насильственные поборы, называя их «военными реквизициями», и поощряли своеволие под тем предлогом, что надо же защитить солдата от деспотизма офицеров. После Бушотта военной частью заведовал Венсан, молодой кордельер, иступленный фанатик – самая опасная и буйная голова этого буйного времени. Он вертел Бушоттом, назначал кого хотел, и притеснял генералов с неслыханной строгостью. Ронсен – тот самый, которого отправили к Дюмурье, когда отменили его подряды, друг Венсана и Бушотта и глава их агентов в Вандее – распорядился в Вандее в звании товарища министра. Он имел под своим началом типографщика Моморо, комедианта Граммона и еще несколько человек, действовавших в том же духе и с тем же неистовством.

Вестерман, и без того уже не ладивший с ними, окончательно восстановил их против себя следующим энергичным поступком. Некто Россиньоль, бывший золотых дел мастер, отличившийся 20 июня и 10 августа и командовавший одним из полков, набранных в Орлеане, принадлежал к числу новых офицеров, которым кордельерское правительство всячески потакало. Однажды за попойкой, в которой участвовало несколько солдат Вестермана, Россиньоль стал говорить, что солдаты не должны быть рабами офицеров, что Бирон – бывший аристократ и изменник, что следует выгонять горожан из домов, чтобы поместить в них войска. Вестерман велел его арестовать и предал военному суду. Ронсен поспешил вытребовать Россиньоля и тотчас же послал в Париж донос на Вестермана.

Последний, нисколько не смущаясь этим происшествием, выступил со своим легионом, думая пробраться в самое сердце Вандеи. Двинувшись с противоположной от Луары стороны, то есть с южного конца театра войны, он сначала взял Партене, потом вступил в местечко Амайу и сжег его, чтобы отомстить Лескюру, который, войдя в Партене, строго обошелся с жителями, поддерживавшими революцию. Потом Вестерман сжег замок Клиссон, принадлежавший Лескюру, и вызвал всюду испуг своими быстрыми движениями и преувеличенными слухами о военных экзекуциях. Вестерман не был жесток, однако первым начал эти пагубные экзекуции, которые разорили нейтральные земли, обвиняемые каждой из партий в потворстве

противной стороне. Всё население бежало в Шатийон, где собрались семейства вандейских вождей и остатки их армий.

Третьего июля Вестерман, проникнув в центр возмущенного края, не пугаясь опасности, вступил в Шатийон и изгнал оттуда верховный совет и главный штаб вандейцев. Молва об этом подвиге разнеслась далеко, но положение Вестермана оставалось шатким. Он выставил на мельнице за городом пост, обозревавший окрестности. Вандейцы, подкравшись согласно своей всегдашней тактике, окружили этот пост и напали на него со всех сторон. Вестерман, извещенный об этом немного поздно, поспешил послать людей на помощь, но посланные им отряды были отбиты и вернулись в Шатийон. Республиканской армией овладел страх; она в беспорядке бежала из города, и сам Вестерман, несмотря на чудеса храбрости, был увлечен этим потоком; ему пришлось спасаться, оставив множество убитых и пленных.

Пока в Шатийоне происходили эти события, Бирон условился с Канкло о том, как им действовать. План их состоял в том, чтобы обоим спуститься до Нанта, очистить левый берег Луары, повернуть к Машкулю, подать руку генералу Булару, который должен был выступить из Сабля, затем, отделив таким образом вандейцев от моря, идти прямо на Верхнюю Вандею, чтобы покорить весь край. Народные представители забраковали этот план. Они настаивали на том, что надо двинуться с пункта, на котором стояла армия, идти к мостам Се с войсками, собранными в Анжере, и условиться, чтобы с противоположной стороны их поддержала колонна, выступившая из Нюра. Бирон, рассерженный этим противодействием, немедленно подал в отставку. Но в это самое время пришло известие о поражении при Шатийоне, и все упреки обрушились на Бирона. Стали говорить, что он допустил осаду Нанта и не поддержал Вестермана. По доносу Ронсена и его агентов Конвент потребовал Бирона к себе – объяснить и оправдаться. Вестерман был отдан под суд, а Россиньоль немедленно выпущен. Такова была участь начальников армии в Вандее, среди якобинских агентов.

Генерал Лабарольер принял начальство над войсками, оставленными Бироном в Анжере, и, согласно желанию народных представителей, стал готовиться к походу в центр края через мосты реки Се. Оставив 1400 человек в Сомюре и 1500 при мостах Се, он двинулся на Бриссак, где тоже поставил отряд, чтобы обеспечить себе коммуникации. Эта армия, чуждая всякой дисциплины, совершила ужаснейшие опустошения в землях, преданных Республике. Пятнадцатого июля на нее напали вандейцы. Авангард, состоявший из регулярных войск, энергично защищался. Главный корпус чуть не подался, но вандейцы, всегда отступавшие, стали в беспорядке уходить. Тогда за дело принялись новые полки, и, чтобы поощрить их, им расточали похвалы, заслуженные одним авангардом. Семнадцатого июля армия подошла близко к Вийе, и новое нападение, принятое и выдержанное с той же твердостью авангардом и теми же колебаниями основной массой армии, было опять отбито. В тот же день республиканцы вступили в Вийе. Несколько генералов, полагая, что эти орлеанские полки слишком дурно организованы, чтобы действовать в открытом поле, и что нельзя с подобными войсками оставаться посреди неприятельской земли, предлагали отступить. Лабарольер решил, что надо ждать в Вийе и защищаться тут, если последует нападение.

На следующий день, в час пополудни, являются вандейцы. Республиканский авангард встречает их так же твердо; но остальные войска вновь колеблются при виде неприятеля и уступают его напору вопреки всем усилиям своих начальников. Парижские отряды, находя гораздо более удобным кричать «Измена! Измена!», нежели драться, разбегаются. Смятение становится всеобщим. Сантерр, бросившийся в самую жаркую схватку с величайшим мужеством, чуть не взят в плен. Народному представителю Бурботту грозит та же опасность, а армия отступает с такой быстротой, что в несколько часов приходит в Сомюр. Отряд из Нюра, только собиравшийся двинуться, останавливается, и 20-го числа решают, что он дождется, пока вновь организуется сомюрская колонна. Так как нужно было кого-нибудь привлечь к ответу за такое поражение, Ронсен и его агенты донесли на начальника Главного штаба Бертье и генерала

Мену, слывших за аристократов, потому что они стояли за дисциплину. Бертье и Мену были немедленно затребованы в Париж, как Бирон и Вестерман.

Так шла эта война. Вандейцы, внезапно восставшие в апреле и мае, взяли Туар, Луден, Дуэ и Сомюр из-за неудачного набора республиканского войска: его составляли одни новобранцы. Но спустившись до Нанта в июне, вандейцы были выбиты оттуда генералом Канкло, а из Ле-Сабль-д'Олона – Буларом, то есть единственными двумя генералами, сумевшими ввести в свои войска порядок и дисциплину. Вестерман, действуя смело и имея подготовленные войска, прошел до Шатийона в начале июня, но, преданный жителями и застигнутый инсургентами врасплох, потерпел поражение; наконец, колонну из Тура постигла участь, общая для всех неправильно организованных армий. Следовательно, в конце июля вандейцы господствовали на всей своей территории. Что же касается храброго и несчастного Бирона, обвиненного в том, что он не был в одно и то же время в Нанте и в Нижней Вандее и не помогал Вестерману, когда уславливался с Канкло о кампании, – он был похищен из армии, не имея времени что-нибудь предпринять; да и пока оставался при армии, подвергался непрерывным обвинениям. Канкло находился в Нанте, но храброго Булара уже не было в Сабле, и оба отряда из Жиронды тоже уже удалились. Такую картину представляла собой Вандея в июле.

На востоке и севере шли осады Майнца и Валансьена – обе неудачно для французов.

Майнц стоит на левом берегу Рейна, со стороны Франции, напротив слияния с этой рекой реки Майн, и образует большую дугу, причем Рейн является ее хордой. Значительное предместье Кассель, переброшенное на другой берег, сообщается с городом посредством моста на плашкоутах². Остров Петерзау, лежащий ниже Майнца, северным своим концом настолько близко подходит к этому мосту, что оттуда можно обстреливать его и бить крепость с тыла. Со стороны реки Майнц защищен лишь одной кирпичной стеной, но с другой стороны город укреплен крайне заботливо. Начиная от берега, остров Петерзау защищает ограда со рвом, по которому в Рейн течет ручей Цальбах. У крайнего конца этого рва стоит форт Хауптштейн, так что эта сторона защищена вдвойне – огнем и водой. С этой точки ограда продолжается вплоть до верхнего течения Рейна, но ров прерывается и заменяется другой стеной, параллельной первой. Двойная стена требует и двойной осады. Цитадель, примыкающая к двойной ограде, еще усиливает ее.

Таков был Майнц в 1793 году, еще до того, как его укрепления были усовершенствованы. Гарнизон крепости составлял 20 тысяч человек, потому что генерал Шааль, который собирался удалиться с одной дивизией, был отброшен назад в город и не смог соединиться с армией Кюстина. Запасы провианта не соответствовали такому большому гарнизону. Поскольку не было известно, удастся ли сохранить Майнц, по этой части мер не приняли. Наконец Кюстин распорядился. Явились евреи, но взяли подряд на очень невыгодных условиях: они требовали, чтобы им заплатили и за те транспорты, которые в пути будут отбиты неприятелем. Ревбель и Мерлен не согласились на это условие, опасаясь, как бы евреи не продали транспорт неприятелю, чтобы получить деньги с обеих сторон. Собственно, в зерне недостатка не было, но можно было предвидеть, что если мельницы, стоящие на реке, будут разрушены, то молоть его будет негде. Мяса было мало, а фуражу на гарнизонных лошадях, которых имелось три тысячи, решительно не хватало. Артиллерия состояла из ста тридцати бронзовых и шестидесяти чугунных орудий, найденных в крепости в очень плохом состоянии; французы, правда, привезли восемьдесят орудий в исправности. То есть было что расставить по стенам, но пороха в достаточном количестве не было.

Герою и ученому Менье поручили защиту Касселя и постов правого берега; д'Уарэ руководил работами в самой крепости; Обер-Дюбайе и Клебер командовали войсками; народные

---

² Плашкоут – плоскодонное самоходное судно, служащее опорой для наплавных мостов. – *Прим. ред.*

представители Ревбель и Мерлен воодушевляли гарнизон. Войска стояли в промежутке между обеими оградами и занимали ряд отдаленных постов. Они находились в наилучшем настроении, вполне полагались на свою крепость, своих вождей, свои силы и, вдобавок, твердо знали, что должны отстоять пункт первой важности для спасения Франции.

Генерал Шёнфельд, стоявший лагерем на правой стороне, окружал Кассель с 10 тысячами гессенцев. Австрийцы вели главную атаку на Майнц. Перед двойной стеной стояли пруссаки с центром в крепости Мариенберг, где находилась главная квартира прусского короля. Левое крыло – также прусское – стояло напротив Хауптштейна и рва, питаемого водами Цальбаха. Эта осадная армия состояла приблизительно из 50 тысяч человек. Ею начальствовал старик Калькрейт. Герцог Брауншвейгский командовал наблюдательным корпусом со стороны Вогезских гор и вместе с Вурмзером прикрывал эту обширную операцию. Имея недостаток в тяжелой осадной артиллерии, союзники вступили в переговоры с голландцами, которые опорожнили еще часть своих arsenалов.

Осада началась в апреле. В ожидании транспортов артиллерии наступательная роль была предоставлена гарнизону, который беспрестанно совершал вылазки. Одиннадцатого апреля, после того как сомкнулась осада, французские генералы решили попытаться неожиданно напасть на гессенцев, слишком широко растянувшихся по правому берегу. В ту же ночь они вышли из Касселя тремя колоннами. Менье пошел прямо на Хохгайм; две другие колонны спустились вдоль правого берега к Биберику; но в колонне генерала Шаала нечаянно выстрелило чье-то ружье, вызвав среди войск переполох. Солдаты были новобранцами и не успели еще обрести хладнокровия и уверенности, которые скоро приобретут под началом своих генералов. Пришлось вернуться. Клебер с грозным спокойствием прикрыв отступление своей колонной. Эта вылазка, впрочем, принесла хотя бы ту пользу, что осажденные загнали сорок голов скота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.